

Шандор Каняди (1929–2018)

Выдающийся венгерский поэт, лауреат самых престижных литературных премий Венгрии и Румынии (он родился и долгие годы жил в Трансильвании), а также нескольких международных премий, Шандор Каняди был еще и мастером писать прекрасным и доступным детскому разумению языком, открывая маленьким читателям широчайший спектр человеческих чувств, мыслей и деяний. Недаром книги его сказок переведены почти на все европейские языки, в том числе и на русский.

В этом сборнике представлены невероятные истории из четырех циклов сказок Шандора Каняди. В них читателя ждёт встреча с умными, добрыми и отважными героями и, конечно же, их удивительными приключениями, которые случаются не только в сказках, но и в жизни.

Шандор Каняди

Волшебное зеркальце и другие истории

УДК 821.511.141-34
ББК 84(4Вен=665.2)6-45
К19

*Издательский дом ВГУ благодарит:
вдову автора госпожу Магду Каняди, а также его детей и внуков –
за бескорыстную помощь в издании этой книги;
посольство Венгрии – Венгерский культурный центр в Москве –
за финансовую помощь;
переводчиков текстов сказок, воздавших своим безвозмездным
трудом дань благодарной памяти великому поэту и сказочнику
Шандору Каняди*

Каняди Шандор

К19 Волшебное зеркальце и другие истории : пер. с венг. / Шандор Каняди ; ред.-сост. Т. Воронкина. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 106 с.
ISBN 978-5-9273-2804-8

Впервые на русском языке публикуются невероятные истории из четырех циклов сказок замечательного венгерского писателя и поэта Шандора Каняди (1929–2018), который у себя на родине стал классиком еще при жизни. Читателя ждет встреча с умными, добрыми и отважными героями и, конечно же, их удивительными приключениями, которые случаются не только в сказках, но порой и в жизни.

Выход книги приурочен к 90-летию юбилею автора.

УДК 821.511.141-34
ББК 84(4Вен=665.2)6-45

ISBN 978-5-9273-2804-8

© Каняди Шандор, наследники, 2019
© Воронкина Т., составление, 2019
© Ворошилин А., иллюстрации, 2019
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2019

Шандор Каняди – автор множества сборников стихотворений, поднявших его на олимп венгерской поэзии. Немало у него и томиков сказок, произведений самых разных по стилю. Среди них и импровизации на тему истории родной страны, при чтении которых детским умом легко воспринимаются и запоминаются наиболее значительные этапы и эпизоды истории Венгрии, что в дальнейшем служит подспорьем на всю жизнь. Многие сказки с их обманчиво традиционным зачином «жил да был», «за горами, за долами, за широкими морями, да за тридевять земель» и т. д. на поверку оказываются вполне современными и рисуют картинку нынешней жизни, знакомой и понятной детям, тем более героями сказок нередко выступают их сверстники. Особенно хороши сказки про животных, о которых автор рассказывает с любовью, живо, ярко и с непревзойдённым юмором. Очень тонко и умело сближает Ш. Каняди людей и животных, которые порой не слишком отличаются друг от друга своими чувствами и поступками. Исподволь, ненавязчиво ребенку внушается мысль о единстве живого мира, единстве человека и природы, которую Ш. Каняди вдохновенно воспевал и в своей поэзии.

Впрочем, разделять его поэтическое творчество и создание сказок было бы несправедливо, ведь суть здесь одна. Сказки Ш. Каняди – как может убедиться читатель – поэтичны, напевны, это проза, порой очень близкая к стихам. В сказках его есть все атрибуты, положенные этому жанру: занимательность фабулы, необычные приключения героев – будь то дети или животные (косопалый Мишка, проказница Козочка или повидавший свет Мышонок) – и благополучный конец. Однако сочинялись эти краткие, ёмкие творения не просто ради забавы и развлечения юного читателя. В них всегда есть подспудная идея, мысль, которую автор стремится донести до нас. «Мораль сей басни такова», – писал великий мастер, но и в сказках Ш. Каняди всегда чувствуется назидательный посыл: читателю есть над чем призадуматься.

Любимец всей Венгрии, Шандор Каняди был не только широко известен своим замечательным творчеством, он стремился сделать как можно большее число людей своими личными знакомыми. На его счету несметное число творческих вечеров, встреч, бесед с читателями. Он объездил всю страну – её города и веси, не отказывался ни от каких предложений и приглашений, его аудитория поистине необозрима. Наверное, трудно поставить с ним в ряд ещё какого-то

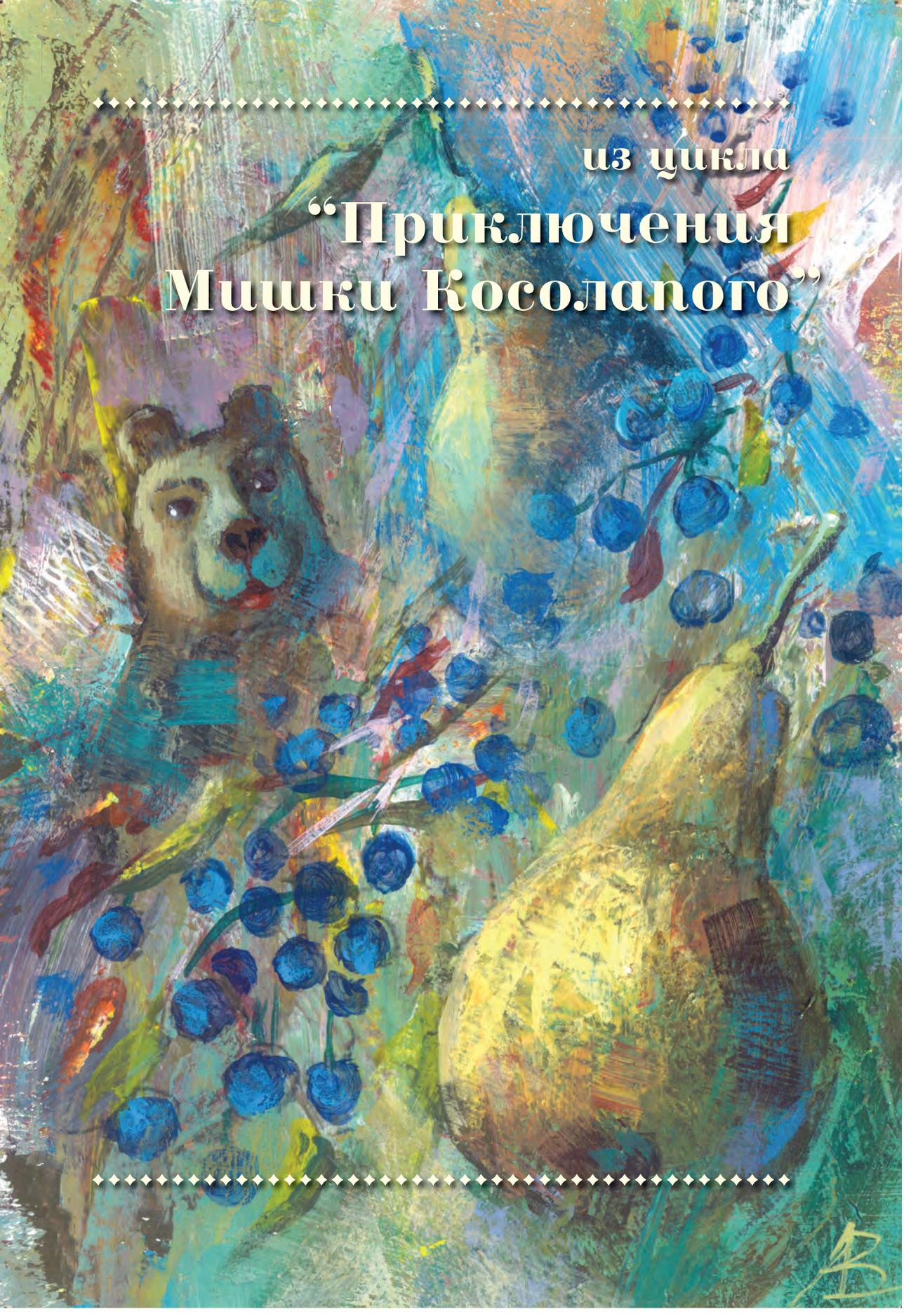
литературного деятеля, кто бы с такой самоотверженной любовью, с таким тщанием старался донести до людей богатство родного языка, поэзии, фольклора. Слушать его было истинным наслаждением: весёлый, обаятельный, остроумный и очень артистичный, он покорял любую публику, но особенно любил выступать перед детьми. Собственно говоря, это были и не выступления: задолго до того как изобрели термин «интерактивный», этот непревзойденный сказитель ухитрялся с первых же минут вовлечь юных слушателей в процесс творческого усвоения литературного материала, будь то стихи или сказки. Успех его подобных встреч был невероятным. Его обожали, им восхищались, чуть ли не носили на руках. «Я купаюсь в любви!» – растроганно сообщил он жене по телефону, побывав в 2013 году на Московской международной книжной ярмарке, где вокруг него собралось много соотечественников, находящихся в Москве.

К нему невозможно было пробиться, его обступили толпы людей, жаждущих общения с прославленным поэтом. Его долго не отпускали, да он и не стремился уйти: стихам, шуткам, вопросам-расспросам не было конца. Шандор был в своей стихии, он выполнял своё предназначение. Сам он очень точно высказался на этот счёт в предисловии к одному из своих поэтических сборников.

Этой краткой зарисовкой-миниатюрой, выражающей его поэтическое и жизненное кредо, нам кажется уместным пригласить читателя в сказочный мир Шандора Каняди.

Татьяна Воронкина

из цикла
“Приключения
Мишки Косолапого”

AB

Встреча с Мишкой Косолапым

Однажды, взбираясь на вершину гор Харгита, повстречал я медведя. Раз уж подвернулся он мне на пути, спрошу-ка, думаю, правда ли то, что о нём говорят да пишут: мол, любит полакомиться медком да малинкой, а порой не прочь у чабанов и овечку из отары стащить. С такими расспросами предстал я перед Мишкой, переваливающимся с лапы на лапу.

Сперва лесной хозяин Мишка Косолапый весьма недружелюбно порыкивал, однако, приметив у меня в руке лишь посох, без которого в пути не обойтись, а не ружьё для охоты на медведей, уступил.

– Ладно, так уж и быть, – прорычал Мишка, дружески протягивая мне лапу, – можно и поговорить, коли других дел у вас нет. – При этих словах он удобно устроился на траве рядом со мной. – Медок я и в самом деле люблю, что правда, то правда.

– А малину?

– Да я только что по малину ходил – вкуснейший обед вышел, – Мишка отёр лапой рот: – Я, признаться, большой охотник до малинки и черники, хоть и нелегко собирать ягоду в лесу, да ещё и весь рот ею вымажешь. Давеча на кустике нашёл несколько ягодок, и вот, поглядите, всё небо черное. Ежели бы знал, что вас встречу, я бы от ягод воздержался. Будут ведь люди думать, мол, что за грязнуля, зубы не чистит.

– Что вы, вовсе не будут так думать! – успокаивая Мишку, я достал из котомки несколько мясистых, сочных диких груш. – Держите, вам это пригодится. Пока до дому добредёте, вся чернота и сойдёт. Если под рукой нет зубной щётки, я всегда жую яблоко или грушу. – Медведь поблагодарил за угощение и добрый совет и, причмокивая, принялся за еду.

– Вот видите? – поднёс я зеркальце, когда он доел дикую грушу. – От черники и следа не осталось.

– Подумать только, век живи – век учись! – Мишка довольно улыбнулся, и на душе у него стало веселее. В благодарность он признался, что все забавные истории и приключения, которые рассказывают и пишут о нём, происходят во сне. Вот он и спит всю зиму напролёт, чтобы потом побольше историй рассказать о своих делах да подвигах.

– Во сне мне видится, – умиленно произнес медведь, – будто бы я человек и с детьми играю. Но, признаюсь, вы первый человек, с которым мне довелось побеседовать.

Я был так растроган его словами, что все остальные вопросы вылетели у меня из головы. Да и каково было бы после этого расспрашивать про убитых телят и краденых овец? Ведь и он вправе поинтересоваться, люблю ли я мясо. И зачем людям столько телят и барашков?

Уж лучше этого не ведать. Мы стали прощаться. Расставание было трогательным, в знак дружбы и благодарности я подарил Мишке зеркальце. А вдруг этой зимой приснится ему какая-нибудь зеркальная история? Или, по крайней мере, очнувшись от долгой спячки, поглядится в зеркальце, приведёт себя в порядок, прежде чем идти к весеннему ручью смывать остатки зимнего сна.

– Спокойной ночи, друг мой косматый, – крикнул я ему вдогонку на повороте лесной тропинки. – Приятных сновидений!

Не успел я и десяти шагов пройти, как услышал за спиной хруст ветвей.

Что греха таить, на мгновение душа у меня в пятки ушла.

Надо мной, стоя на задних лапах, высился медведь.

– Прости... те, – смущённо пробормотал он. – Уж не знаю, пригрезилось ли мне или птица на хвосте принесла, только слышал я про обычай людской, будто друзья между собой на «ты» общаются. Не в обиду будь сказано, ты уж не серчай, но из нас двоих пусть я и не старше, зато уж наверняка выше, а потому давай называть друг друга на «ты». – И прежде чем протянуть мне лапу, Мишка вынул из внутреннего кармана своей шубы флажку из бересты. – Вот, держи, это малиновый сироп. Самый что ни на есть настоящий. Жёнушка собственными лапами выжимала. Нам-то

горячительные напитки ни к чему, зато тебе, может, пригодится. А величают меня Амвросием.

Я тоже представился подобающим образом и хлебнул из фляжки с пожеланиями здравствовать. Мишка последовал моему примеру.

– Твоё здоровье, приятель!

– И ты не хворай, дружище!

Мы обнялись, да так крепко, что у меня аж кости затрещали.

Наконец мы расстались, потому как уже порядком стемнело. Да и разгулявшийся ветер напоминал о близящейся осени.

Мишка спасает Зайчишку

 рёл-брёл Мишка по бездорожью лесному, по тропам непроторенным, путями нехожеными напрямик к своему зимнему жилищу. Идёт-бредёт, а в лапе зеркальце моё держит, да всё в него поглядывает. Вдоволь собою налюбовавшись, сунул он зеркальце во внутренний кармашек шубы.

– Ну и ну! – довольно бурчал он себе под нос. – Вот радости-то будет, когда узнают медвежата, что дикая груша прекрасно зубы очищает!

*Если рот твой весь в чернике,
Ежевике, землянике,
Если чёрными от сока
Стали зубы медвежонка,
А под лапой щётки нет,
У меня один ответ:
Должен мишка съесть немножко
Диких груш и слив лукошко!*

Весёлым баском напевая песенку, Мишка думал о том, как было бы здорово прикрепить это поучительное стихотвореньице на самое большое грушевое дерево в назидание другим косолапым. Однако его благие мысли были внезапно прерваны чьим-то плачем.

Мишка замер на месте, прислушался и отправился в ту сторону, откуда доносился плач. Раздвинув ветви кустов, он не поверил своим глазам: Лисица трепала за ухо маленького Зайчишку.

– Ах ты негодница! А ну, сей же миг отпусти Зайчонка! – С этими словами Мишка схватил Лисицу за шиворот.

Дважды повторять не пришлось. Лисица быстренько смекнула, что дела её плохи, и выпустила Зайчонка. И сразу же давай оправдываться, мол, всё это только озорство да шалость.

– Вот хотела проверить, правду ли говорят, будто зайцы лопухие.

С этим и отпустил Мишка Лисицу. Та со всех лап бросилась наутёк через кусты, заросли и ручьи, спасая свою шкуру. Неслась сломя голову, так что Заяц и рта раскрыть не успел. Однако рыжая не сдержалась и выкрикнула напоследок:

– Попадёшься ты мне ещё, плакса!

Серенький, ощупывая уши, жаловался медведю, что учинила с ним коварная лиса.

– Обвинила меня, будто бы я через тень её перепрыгнул и тем, видите ли, обиду нанёс, вот она и схватила меня да как принялась за ухо трепать! Ой, что же теперь со мной, несчастным Зайчонком, станется?! Да вы и сами слышали, как она мне на прощанье пригрозила.

Мишка вытащил из верхнего кармана шубы зеркальце и протянул Зайцу, чтобы тот малость в порядок себя привёл.

– Ну ладно, хватит нюни распускать! Слезам горю не поможет, что-нибудь да придумаем. Главное, ты не трусь!

– Я-то перестану плакать, – продолжал хныкать Зайчонок. – Только пусть и твой заяц прекратит слёзы лить, а то я никак остановиться не могу.

– Что-что? – удивился Мишка.

– Ну тот зайчик, что у тебя на лапе сидит.

От души посмеялся Мишка над глупеньким Зайчонком. Нахмутив косматые брови, прорычал:

– А ведь ты мне дельную мысль подал! Теперь ты, считай, спасён, – просиял от этих слов Мишка. – В зеркальце-то ведь ты сам, друг ты мой сердечный. Это отражение твоё, оно тебя и убержёт. Конечно, при условии, что ты с умом воспользуешься этой маленькой блестящей штуковиной. Я тебе одолжу зеркальце на несколько дней, только ты уж береги его как зеницу ока, потому как получил я его в подарок от одного доброго приятеля. Смотри не потеряй, не разбей, ведь оно очень хрупкое, как стекло. На, держи и скачи себе домой. Да поломай голову над тем, как нахалку Лисицу обхитрить и на посмешище выставить.

С этими словами исчез Мишка в лесной чаще, чтобы дальше продираться к своей берлоге.

А Зайчонок тем временем с любопытством уставился в зеркальце, так и сяк крутил-вертел его в лапке. Разглядывал себя спереди, сзади и с разных сторон, покуда не увидел в нём серьёзного, рассудительного зайчика.

Под напевы Дрозда

идел Зайчишка, сидел, весь в комочек сжался, только уши в разные стороны топорщатся. Вроде бы уразумел он добрый Мишкин совет, а вроде бы и нет.

– Что же там такое Косолапый говорил? – размышлял Зайчонок. – Не будь, мол, трусишкой, а когда блестящую штуковину эту мне в лапку сунул, пробурчал что-то вроде: «На вот, держи – коли сумеешь с умом им воспользоваться, выставишь Лисицу на посмешище». Точно, так и сказал. Конечно, такому здоровенному медведю легко говорить, а что прикажете делать бедному зайке серенькому? Горе мне, горе! Слёзы сами на глаза наворачиваются.

Слёзы и впрямь лились из глаз Зайчика, словно утренняя роса по стеблям. Может, он до сих пор плакал бы, не пожалей его Дрозд, порхавший над малиновым кустом.

– Эх ты, дурашка, посмотри-ка в это блестящее чудо да призадумайся. Все лучше, чем слёзы лить.

Взглянул серенький в зеркало и опять увидел в нём только безутешно рыдающего зайчика. Тогда прекратил он плакать – и другой зайчик тоже примолк. Шевелит Зайчишка усами, словно дикую морковку грызёт – а двойник его за ним повторяет. От удивления серенький чуть носом в зеркало не ткнулся. И вот ведь экая невидаль: приближается его нос к маленькому сверкающему чуду, а другой зайчик тоже не отстаёт. Чуть было не столкнулись носами. Когда же Зайчишка отвёл от себя зеркальце, второй тоже отпрянул. Попытался Зайчонок двойника своего за ухо ущипнуть, затрещину дать и – даже сказать неловко – плюнуть ему в мордочку, но пришлось эту затею бросить: разобьется ещё ненароком маленькое яркое хитроумное чудо.

«Неужто Мишка был прав, – размышлял косою, делая серьёзную мину, – и тот, второй, зайчик – всего лишь моё отражение? Его усы – не что иное, как мои усы, а лапка, что держит мою лапку, – это и есть моя лапка? Я отражаюсь в зеркале, совсем как утреннее небо в ручье. Да неужели? – зайчишка поднял зеркальце. – Неужели это застывший кусочек ручья? Глазам своим не верю!»

– Эх ты, горе луковое, чему же ещё быть, как не частичке ручья! – завела свою песню добродушная птица. – Это лёд сушёный, так что будь умницей, смотри не оплошай, – насвистывала птица, но уже взмывая в воздух.

– Да уж, впредь буду умней, – к Зайчонку понемногу возвращалась уверенность в своих силах. – Сам чую – ума прибавилось. Оставлю-ка я этот застывший ручеёк, или сушёный лёд, здесь, вместе со своим отражением, а сам – прочь со всех лап. А коль появится Лисица – пусть попробует схватить за ухо моё отражение! Вот смеху-то будет!

– Отчего это у некоторых такое настроение распрекрасное? Ну что, плакса, ухо уже перестало болеть? – откуда ни возьмись появилась из-за малинового куста Лисица.

У Зайца душа в пятки ушла. Ни капельки сил не осталось, чтобы ускакать или хотя бы пошевелиться. Съёжился от страха, сидит не дышит, как вдруг нащупал в лапке зеркало и услышал голос Дрозда, – тот вернулся несчастному Зайчонку подсобить.

– Фьють-фьють, наших бьют, – свистел тревогу Дрозд.

Нежданно-негаданно случилось такое, чего не бывало ещё в заячьей истории: озарило вдруг Зайца, как молния ночное небо, и удивился он сам себе, откуда взялся этот задиристый тон:

– Не убраться ли тебе подобру-поздорову восвояси, откуда пришла, негодяйка ты этакая!

– Фьють-фьять, так держать! – продолжал насвистывать Дрозд.

– Эй, я к тебе обращаюсь, рыжая ведьма, не суй сюда свой любопытный нос! – Заяц храбро встал на задние лапы.

Лисица не знала, что и думать. Принюхивалась, осматривалась, нет ли кого поблизости, – всё поверить не могла, что маленький зайчонок сам по себе на такую отвагу способен.

– Ты не принюхивайся и по сторонам не оглядывайся, всё равно Медведя здесь нет.

– А я убедиться хочу, – осторожничала Лиса, – нет ли тут и вправду кого неподалеку. Ну, теперь я слушаю, мели языком.

– Ты, Лисица, не лезь на рожон.

– Это что ещё такое? – взъярилась рыжая. – На колени! Да поживее!

Зайчонок глянул на Дрозда. Птичка тем временем всё напевала свою песенку:

– Фьють-фьють, сдачи дают.

– Пошла отсюда, подлая воровка! – храбрился серенький.

– Что ты сказал?!

– Что слышала! Воровка! – продолжал хорохориться Заяц.

– Ах ты дерзкий малец! – от злости рыжая побагровела ещё больше и изговилась броситься на Зайчонка.

– Фьють-фьють, рыжих дерут, – присвистнул Дрозд.

– Но-но! Говорил же я тебе, чтоб на рожон не лезла, я ведь не одну, а целых четырех лисиц отделал хорошенько, когда ты удрала. Вот, полюбуйся-ка на одну из них! – и Заяц сунул зеркальце под нос злощей Лисе.

От неожиданности рыжая отпрянула.

– Показать остальных? – с этими словами Заяц переложил зеркальце в другую лапку.

Но Лисице и этого было довольно. Развернулась она – и поминай как звали! Понеслась куда глаза глядят, не помня себя от страха.

– Фьють-фьють, недруги бегут! – высвистывала птичка марш победы.

А Заяц тем временем прыгал и кувыркался от счастья, но прежде бережно отложил зеркальце в сторону – чтоб не разбить ненароком.

О том, как Заяц в лесу потерялся

 На чём же закончилась наша небылица? Ежели я ничего не путаю, добрались мы до того места, как sereneкий трусишка с помощью моего зеркала, подаренного ему Мишкой, под ободряющее пение Дрозда храбро прогнал Лисицу. Рыжая, небось, до сих пор несётся без оглядки, если, конечно, лапы держат. А Зайчонок и сейчас бы от великой радости козликом скакал, кабы не дела да заботы.

– Верно, дружок, пора бы тебе и о деле подумать, – угадал мысли зайчонка Дрозд, раскачивавшийся на ветке орешника, словно на качелях.

– Я ведь зеркальце должен Мишке вернуть.

– Могу проводить, чтобы ты не заблудился на лесных тропинках, – любезно предложил Дрозд.

– Благодарю покорнейше, только я и сам справлюсь, – так же любезно ответил Зайчонок, однако про себя подумал: «Вот глупая птица! Заяцу дорогу указывать собралась! К тому же щебечет, щебечет, все уши прожужжала. Уж если я с Лисицей справился, неужто дорогу к медвежьей берлоге не отыщу?»

Взял он зеркальце, сунул его в задний кармашек и отправился в путь.

Только Дрозд пуще прежнего расшвыстелся:

– Не по той дороге идешь. Медведь-то в другой стороне живёт.

– Что ж это за дребедень такая! – разозлился Зайчонок в замешательстве. Стыдно ему было, что без советов Дрозда никак не обойтись. Вот и потребовал он, чтобы птица оставила его в покое и не совала свой клюв в чужие дела. С покрасневшими от гнева ушами Зайчонок наперекор Дрозду продолжал идти не в ту сторону.

– Ладно, увидим, как этот задавака выберется оттуда! Ишь, как нос задирает. А ведь едва от страха не окочурился, Лисицу завидев. Скольких усилий мне стоило бодрость духа в него вселить! Я ведь и сейчас как лучше хотел: знаю одну короткую тропку, дай, думаю, подскажу – раз-два и у медведя. Теперь-то пускай идёт своей дорогой по горам да лесам, коль ему не к спеху. Упрямого не переупрямишь, поступай как знаешь. Полечу-ка я отобедаю, а то уж далеко за полдень, – с этими словами отправилась птичка восвояси. Летел Дрозд легко и радостно, словно плыл на гребне морской волны: то вверх взмывает, то со всего лету вниз несётся. По дороге пришло ему в голову, что недаром у косоного уши большие, точно ослиные.

А Заяц тем временем продирался сквозь заросли – только ветки хрустели и трещали. Такой шум поднял на весь лес, что не грех было обознаться и подумать, будто дикий кабан мчится напролом. Потом Зайчонок вдруг остановился и в недоумении начал переминаться с лапы на лапу.

Куда же податься? Вот теперь-то советы Дрозда пришлись бы кстати. Приподнялся Зайчонок на задние лапы, давай принюхиваться да прислушиваться, ноздри его и ушки быстро-быстро шевелились. Однако дорогу он так и не смог отыскать.

– Ой, куда же я попал? Получается – пропал! – оробел вдруг наш смельчак. – Ни кустика знакомого, ни птичек соседских не видать. Забрёл я на край света! – затрясся Зайчонок с испугу, так что даже зеркальце из кармашка выскользнуло. Там, на земле, и оставил его серенький, чтобы в поисках дороги случайно не разбить о корягу.

Крутился Зайчонок, вертелся, туда-сюда бегал, каждый кустик обнюхивал, к каждой тропинке присматривался. Всё напрасно: нет и нет дороги к медвежьей берлоге.

Опечалился косою пуще некуда. Тут и голод напомнил о себе, принялся Заяц травку щипать. По вкусу пришлись ему листья черники, только так уж он увлёкся, что всё отдалялся и отдалялся от того места, где зеркальце оставил.

Нежданно-негаданно увидел он сосну знакомую. От радости у Зайца уши в разные стороны разъехались, а сам он давай кренделя выписывать.

– Да ты, я смотрю, весел больно, – слышался с дерева щебет Дрозда. – Не иначе как зеркальце Медведю вернул.

– Ой, про зеркало-то я совсем забыл! – пролепетал Зайчонок. – Куда же оно запропастилось?

Хотел он поскакать туда, где зеркальце оставил, да не тут-то было. Деревья в лесу словно близнецы – поди разбери, с какой стороны ты пришёл. Вконец заблудился серенький, покуда отплясывал.

Он туда-сюда, направо-налево, вперёд-назад – всё не то. Наконец, уселся косою на пожухлую листву и горько заплакал.

– Фьюить-фьюить, – засвистела птичка, пытаясь утешить Зайчонка. – Нечего попусту слёзы лить!

Но Заяц никак не унимался.

Вслед за ненастьем тучи рассеиваются

От такого горя горького поникли у Зайчонка уши, а слёзы ручьем текут, даже солнцу не под силу их высушить. Напрасно Дрозд насвистывал, напрасно утешал, не плачь, мол, дурачок, после дождичка солнце всегда из-за туч выглядывает. А Заяц вновь и вновь свою песню заводит:

– Ой, горе мне, горе! Как же теперь быть? Ведь Мишка мне уши оторвёт, как узнает, что я его зеркальце не сберёг.

– Надоел ты мне, братец! – потерял всякое терпение обычно невозмутимый Дрозд. – Ты, похоже, только и умеешь, что плакать, скакать да важничать. Предложил я к Мишке тебя проводить, путь-дорогу показать, – так нет, здесь ты взрослого из себя строишь, а стоило тебе зеркальце потерять – сразу слёзы в три ручья. Так что, дружок, стоило бы тебя проучить хорошенько, оставить одного в лесу. Отловит тебя Лисица, вот тогда ты попляшешь!

При одном только упоминании о коварной злодейке серенький так испугался, что даже слёзы вмиг иссякли. Взмолился, передние лапки сложил.

– Ладно уж, не трясись, не брошу я тебя в беде, – пожалел косоного разгневанный Дрозд. – Возьми себя в лапы да скачи к ручью, а я тем временем зеркальце отыщу. И смотри поторапливайся: вечер не за горами, а до Мишкиной берлоги ещё идти и идти.

С этими словами упорхнула птица, а Заяц направился к ручью. Не успел он умыть мордочку от слёз, как Дрозд уже сидел рядом на брёвнышке и держал в клюве зеркальце, чтоб серенький смог в него посмотреться и залихватски усы подкрутить. Заяц от всей души поблагодарил птицу за находку.

– Полно, не стоит благодарности. Зеркальце-то неподалеку было, – скромничал Дрозд.

Зайчонок продолжал бормотать слова благодарности, птица песенку насвистывала, а кончилось тем, что поклялись они друг другу в вечной дружбе. Дрозд уселся на спину серенького и разразился дивными трелями. А Заяц от умиления хлопал своими длинными ушами. Недолго думая, он вырвал у себя долгий ус и подарил на память Дрозду, который повязал его на лапку – кольцо получилось на славу. В ответ птица отыскала у себя самое красивое перо и прицепила серенькому за ухо. Взяли они зеркальце, договорившись по очереди нести его, и углубились в лесную чащу. Кружит птица над Зайчиком, щебечет да насвистывает, дорогу показывает. А Заяцу всё веселее, нежели одному по лесу идти. Вот уж неправду говорят, будто бы:

*Орех, репа, редька,
Спозаранку дрозд
Каркает редко.*

– Вздор какой! Во-первых, дрозды вовсе не каркают. Это какие-нибудь иволги, что в садах гнездятся, могут себе такое позволить, а настоящий лесной дрозд – он песенки насвистывает. И потом, где это видано, чтоб дрозды лентяйничали? Мы с восходом солнца просыпаемся.

Серенький в беседе не отставал и тоже поделился с птичкой заячьей историей, как его тому учили:

*Все зайчата скок-скок-скок,
Врассыпную да в лесок.
Возвращайтесь-ка домой
За капустною ботвой.
Только в дом мы не пойдём,
Мы в лесу свой дом найдём.*

– Всё понятно. Это значит, что когда-то вы были обычными домашними кроликами, пока не разбежались по полям да лесам, – на лету подхватил смысл стихотворения мудрый Дрозд.

– Ну, мы, скорее, в диком поле чувствуем себя как дома. Ты же сам видел, каково приходится бедному зайчонку в густой чаще. Ах, если бы не твоя помощь, я бы совсем пропал! – серенький даже покраснел от стыда.

– Какие между друзьями счёты... А всё-таки правильно вы поступили, что из домашнего плена вырвались. Должно быть, нет ничего страшнее клетки. И нет ничего прекраснее свободы. Теперь-то я понимаю, отчего все вы такие трусишки. Кто бы не боялся, что его снова поймают и в клетку посадят? Но ты не бойся, приятель, я тебя в обиду не дам. Гляди, однако, – вот мы уже и добрались. Вон там, видишь – берлога. Поспешим, а то медведь чего доброго спать завалится, и тогда жди весны, пока он проснётся соизволит.

Но, к счастью, наши друзья успели вовремя. Мишка уже был в пижаме и зевал не переставая, но зеркальце всё-таки взял.

Волшебное зеркальце

 Распрощались Зайчонок и Дрозд с Медведем, как положено, и отправились восвояси. А наш старый добрый приятель Мишка Косолапый запер двери берлоги. Тем временем зеркальце вызвало большой переполох в Мишкином семействе: каждый по очереди рассматривал это диво дивное и не переставал восхищаться собственным отражением. Долго-предолго смотрелись они в зеркальце, а самый маленький медвежонок – вот уж мастер на все лапки! – и так и этак крутил его, вертел, рассматривал, что взрослые даже забеспокоились – как бы не разбил крохотное чудо.

– Не бойтесь, не разобью. Я ведь понял, в чём весь фокус! – медвежонок протянул зеркальце обратной стороной.

– Гром и молния! – воскликнул Папа-медведь. – Сколько крохотных кнопочек!

– Заклинаю вас, не нажимайте на них, – взмолилась Мама-медведица, – а то не ровен час взорвется ещё. Не иначе какая-нибудь ловушка, придуманная людьми.

– Так сразу и ловушка, – сердито прорычал мой приятель. – Подарок лучшего друга не может быть с подвохом, даже если этот друг не кто иной, как человек.

– Только спокойствие! – прервал их разговор Мастер на все лапки. – Похоже, это телезеркало.

*Вот нажму на кнопку я,
Удивится вся семья!*

Сказано – сделано. Только нажал он на кнопку, как всё медвежье семейство так и повалилось со смеху. В зеркальце откуда ни возьмись появился их папа – Мишка Косолапый: сидел он на травке и жевал дикую грушу, чтобы очистить зубы от ягодного сока. Признаюсь, и над моим видом они всласть посмеялись, за-

приметив меня, стоявшего в уголке зеркала с мешком за спиной и посохом в руках.

– Вот видите, – обрадовался Мишка, увидев меня. – Это мой приятель! А ты, мать, ещё смеешь на доброго человека напраслину возводить! Эх ты!

От стыда Медведица даже глаза опустила. Волей-неволей человека обидела. Только ведь и её понять можно: какая же мать за свою семью не боится, не печётся о своих медвежатах? И это в наше-то время, когда на каждом шагу того и гляди на охотника с ружьём наткнёшься. Палят, палят без конца, уж и вздремнуть спокойно нельзя.

Поставили они зеркальце на полку, сели полукругом и смотрят: ну точь-в-точь, как мы – телевизор.

По душе пришёлся им стишок о дикой груше, так что они хором его повторяли:

*Должен мишка съесть немножко
Диких груш и слив лукошко!*

Пожалели они трусишку Зайку серенького, попавшего в беду, а потом долго смеялись над Лисицей, которую косой так ловко прогнал. Некоторое время в зеркальце отражалось лишь небо, и сообразительные медвежата сразу же догадались: мол, что-то здесь не ладно, видно, Зайчонок его потерял. Потому-то и лежало на спинке незадачливое блестящее чудо, уставясь в небо. Какова же была радость медвежат, когда заприметили они в небе знакомого Дрозда, который, как нам известно, и обнаружил зеркальце. Словом, все истории, что приключились с волшебной штуковиной, предстали перед взором медвежьего семейства. От души повеселились медвежата над этим зрелищем. Даже спать расхотелось напрочь, однако пришлось послушаться родителей и юркнуть в постель. Но прежде чем уснуть глубоким сном, Мастер на все лапки нажал ещё на какую-то кнопочку телезеркала (вслед за медвежонком мы тоже будем так его называть), и оно выключилось. Зеркальце они оставили на полке, потушили лампу и побыстрей погрузились в зимнюю спячку. Ведь ежели поздно уснёшь, то позже и проснёшься, а тогда весна задержится с приходом. Недаром

говорят, что вовсе не ласточки провозвестники весны, а мишки косолапые.

Мирно похрапывая, спит медвежье семейство. А на полке поблёскивает загадочное око волшебного зеркала.

Мне в окошко Дрозд стучится

 Я уж и думать забыл про Дрозда и Зайчонка, как однажды утром просыпаюсь от того, что кто-то стучится, да не в дверь, а в окошко. Ну, думаю, не на шутку ветер разгулялся. Сую ноги в шлепанцы и плетусь спросонья к окну.

– Фьють-фьють, это я!

– Доброе утро, Дроздёнок! Какими это ветрами тебя занесло к нам, в далёкий город, где птица и та не пролетит?

– Да не ветер вовсе занёс меня в эти края, а собственные крылья. Как же я рад, что наконец нашёл твоё окошко. Уж я кружил-кружил вверх-вниз, перелетал с крыши на крышу, от дымохода к дымоходу – все перья теперь в дыму да копоты.

– Ну, птичка, влетай же скорее!

– О, благодарю, но мне нужно взять свою поклажу. Я её на крыше оставил.

Хлоп-хлоп крыльями – и уж летит со своим лубочным лукошком размером с ореховую скорлупу.

– Как же ты дотащил такую тяжесть с далёких гор? – удивился я, подняв корзинку. – Ну ты и силач!

Похвала пришлась Дрозду по душе.

– Фьють-фьюить, рад услужить, – свистнул он и в знак благодарности закружил над радиоприёмником.

Я поинтересовался, не хочет ли он принять ванну.

– Вот бы здорово смыть с себя городскую пыль да копоты!

Я проводил Дрозда до ванной комнаты. Налил в ванну тёплой воды. Пустился в объяснения, что, мол, такой холодной воды, к

какой птица привыкла у себя дома, не будет, но и тёплая ей наверняка понравится.

– Не сомневаюсь, будет великолепно.

– Почистить тебе пёрышки?

– О, благодарю, сам справлюсь.

На этом оставил я Дрозда в ванной, потому как, видно, птица тоже любит в одиночестве пёрышки свои в порядок приводить. А я тем временем принялся готовить завтрак нежданному гостю. Но вот незадача: только хотел я выскочить в магазин, как Дрозд разгадал мои помыслы и зачирикал из ванной:

– Ты, приятель, из-за завтрака не суетись. Всё, что надо, я с собой принёс. Сей момент готов буду. – Тут как тут появилась птаха, сверкая вымытым клювом и начищенными перьями.

– Никогда бы не подумал, что так приятно в ванне искупаться.

– Рад несказанно, что купание пришлось тебе по душе, только вот что меня заботит: ничегошеньки нет у меня из птичьей еды, чтоб угостить тебя.

– Это ли забота! Сказано ведь, что всё у меня в корзинке припасено. Я и тебе гостинцев принёс от Зайчонка. – И гость начал выкладывать всё из лукошка, а затем положил мне на ладонь разукрашенное яичко.

– Это яйцо из нашего гнезда. А Заяц в благодарность разукрасил его.

– Премного вам признателен за доброту сердечную, только чем же я заслужил такие дары?

– За добро добром платят.

– Что-то не припомню, чем я вам удружил, – продолжал я пытывать Дрозда.

– Ну как же! Не подари ты Мишке зеркальце, и не смог бы Зайчонок так ловко Лисицу одурачить. А теперь давай завтракать.

Мы с аппетитом принялись за еду. Пришлось даже молодые еловые побеги жевать, чтоб не обидеть своего лесного гостя.

После завтрака мы наговорились влась. Прощаясь, Дрозд вдруг спохватился, крыльями всплеснул:

– Ну и ну, про письмо-то Мишкино я совсем забыл! – и старательно извлёк со дна лукошка послание.

Письмецо от Мишки Косолапого

Уто же написал мне Мишка в том самом письме, что Дрозд в лукошке принёс? Вот тут бы в самый раз воспользоваться случаем да показать вам письмецо, только не даёт мне покоя одна мысль: прилично ли обнародовать письмо, тебе лично другом написанное? Однако пусть послужат мне оправданием слова самого Мишки, которые он приписал в конце:

Кстати, друг мой любезный, эти строки ты можешь и в сказки свои вставить, и в стихах изложить, как тебе заблагорассудится. Сердечно приветствует и крепко обнимает тебя твой верный друг Амвросий.

Хотите верьте, хотите нет, но разрешению этому я обрадовался больше даже, чем самому письму. Ну а когда увидел имя, каким он подписался, тут уж у меня и вовсе гора с плеч свалилась. Потому как, положа руку на сердце, признаюсь: сколько я ни ломал голову, так и не мог припомнить, кто он есть, мой добрый, славный Мишка. Экий стыд – столько всего про него понарасказывал, а сам знать не знаю, как его кличут. Так с каждым случается, ежели во время знакомства не особо прислушиваешься. Да ведь и сам он имя своё пробурчал невнятно. И вообще, пусть осудит меня тот, у кого при встрече с медведем душа в пятки не уйдёт, разум не помутится, коленки не задрожат. Вот и я не скрою: дрогнул было, а ноги сами уж бежать чуть не припустили, когда мы нос к носу столкнулись с Амвросием. Но таков уж я есть: если покидает меня отвага, то подбадриваю себя стихами. И тогда тоже нашёптывал про себя:

*Знатная на мне шубейка
Из лисы, куницы, белки,
Сам себе я сшил её,
Пусть завидует зверьё!*

Собравшись с духом, я, хоть имени Мишкиного не запомнил, испытание выстоял, а вернее высидел на траве подле медведя. И вам советую: стихи, ежели они ладные да складные, отваги человеку прибавляют, и мир вокруг от этого краше становится.

Но, как говорится, от слов проку мало. Почитаем-ка мы лучше письмецо.

Друг мой сердечный!

Сокрушаюсь о том, что не провёл ты с нами зиму, а ведь и для тебя бы нашлась мягкая перина. Стыдно мне, что не пригласил я тебя в свою берлогу. Вот бы выспался ты у нас всласть, я бы и шкурой своей тебя прикрыл. И снились бы нам обоим распречудесные истории, потому как этой зимой мне такие приключения привиделись, что расскажи кому – диву дадутся. А потому, чтоб не пропали те истории впустую, дерзаю пригласить тебя к нам летом, того гляди малина поспеет. Вот и приезжай к сбору ягод. О ночлеге не беспокойся – у нас остановишься. Можешь и семью свою прихватить, жёнушка моя с твоей познакомится, да и сынок с медвежатами позабавится. К тому же мёд рекой будет течь. Доброго здоровья желает тебе всё моё семейство.

Такое вот письмо написал мне мой приятель Амвросий.

Мы уже вовсю готовимся к встрече с ним. И тропа историй свернёт в ту сторону, куда заведёт нас летнее путешествие.

Подготовка к Празднику Мёда

Пышным цветом расцвело лето, краснеет малина, а мы без усталости готовимся ехать в гости к нашему приятелю Амвросию, в горы. Вот и сегодня прилетел Дрозд и принёс нам весточку, в которой говорилось, что, мол, неплохо бы подоспеть к вечеру на Праздник Мёда.

– Это ведь самый большой летний праздник у медведей, – охотно разъясняла нам птаха. – Больше даже, чем Праздник Сборя Малины или День Сладкой Черники. Только вот беда: никогда не предугадаешь, на какой день праздник выпадет. Его устраивают, едва пчёлы начинают мёд продавать. А это, как известно, и от погоды зависит, и от начала цветения, и, наконец, от настроения пчёл.

– Капризный народец эти пчёлы, – жаловался на них Дрозд. – Зато великодушны и в пример остальным трудолюбивы. Мала козявка, а почёт ей велик. Однако поспешим, кабы не опоздать. Я улетаю, потому как дома дела ждут.

– Хорошо тебе, – сказал я птице. – А что делать тем, кто пешком ходит?

И тут мне пришло в голову: а что если и нам полететь?

– Вот только туда самолеты не летают, – опечалился мой сынок.

– Ежели прежде не летали, так почему же им впредь не летать? В конце концов, на Праздник Мёда мы должны прибыть вовремя, не оставим же мы нашего друга в такой важный день. И знайте: кроме самолётов, есть ещё и вертолёт!

– Вот здорово! – воодушевилась вся моя семья. Дрозд тоже обрадовался, потому что я предложил ему располагаться как дома, снова искупаться в ванне, если пожелает, и отправиться вместе с нами на вертолёте, чтобы указывать путь.

Позвонил я в вертолётную службу и объяснил самому главному начальнику, какое важное событие может сорваться. Вся наша надежда на них, иначе не попасть нам на Праздник Мёда. Начальник сразу же понял, что к чему. Спросил только, не будет ли нам в тягость прихватить с собой его дочку Аги, очень уж она любит медведей и мечтает оказаться на таком большом празднестве.

– Конечно, возьмём, как не взять! – воскликнул я. – С превеликой радостью. И сыну моему веселее будет, да и медвежатам раздолье: с детьми вдоволь наиграются.

Давай мы поскорей собираться: тёплую одежду для себя, сахар и сладости для медвежат, а госпоже Медведице моя жёнушка испекла вкусный пирог. Своему приятелю Амвросию я ещё зимой

купил большущую, что твой бивень, курительную трубку, а недавно и табаку ароматного раздобыл. Зайчонку же приготовил краски, завернув их в капустный лист. Не прошло и часа, как над нашим домом уже жужжал вертолёт; там сидела Аги и махала нам рукой. Вертолёт приземлился на крышу. Тем временем мы тоже взобрались на крышу и со всеми своими узлами, свёртками и с Дроздом устроились в вертолёте.

И вот мы в пути. Птица сидит у окна пилота и указывает направление. Теперь-то уж нет сомнений: быть нам к вечеру на Празднике Мёда!

Праздник Мёда

 Бывал я на праздниках разных, больших и малых, весёлых и скучных, так что конца ждёшь не дождёшься, но такого простого и пышного торжества, как Праздник Мёда, сроду не видывал. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Началось всё с того, что мы мягко приземлились на траву, отдохнули немного с дороги и познакомились с семьёй моего приятеля, ведь, кроме нас с Амвросием, все знали друг о друге лишь понаслышке.

Вот как всё было. Сначала я представился сам, свою жену представил и, как полагается, поцеловал лапу супруге Амвросия, госпоже Шаре. Амвросий в свою очередь приложился к руке моей жены. Затем женщины, как это у них принято, чмокнули друг друга в щёчку. Медвежата – Шаму, Шара, Мартон – почтительно поклонились до земли. Мой сын и Аги тоже не забыли о правилах вежливости. Зайчонок приветствовал нас, стоя на двух лапах, и, откуда ни возьмись, появился вдруг, словно с неба упал, наш славный Дроздёнок.

– Фьють-фьюить, вертолёту можно отбыть?

– Счастливого ему пути! – прорычал Амвросий. – Начнём!

Сотряслась лужайка от этого призыва. Шли медведи, медленно переваливаясь с лапы на лапу, словно тяжесть какую несли. Так ведь и на самом деле тащили пни, обломки стволов, катили брёвна перед собой. В считанные минуты смастерили стол и табуретки вокруг него. Стол застелили зелёным папоротником, а сверху расставили миски из древесной коры. Мишки сновали туда-сюда, хлопотали, тащили за спиной, словно стекольщик стёкла, соты с душистым мёдом. А в лапах несли полные коробка малины. И вдобавок напевали:

*Вот медок вам и малина,
Ешьте – целая корзина!
Пожелаете напиться –
Сладкая в ручьях водица!*

Мы расселись вокруг только что установленного стола, я обвёл всех взглядом: гостей хватило бы на полдеревни. Но прежде чем приняться за медок да малинку, Амвросий откашлялся и слегка постучал лапой по краю стола, готовясь произнести речь.

– Дорогие наши друзья, гости наши долгожданные! Этакая радость нынче для каждого медведя! Честь нам оказали, на наше торжество приехали!

– Правду говоришь! Ай да Мишка! Ура, ура! – рукоплескали гости оратору. – Давай дальше!

– Так вот, говорю, и для человека честь немалая – медведя в друзья заполучить! – Молодец, Мишка! Хорошо говоришь!

– Ай да Амвросий, какую речь знатную прорычал! Так держать!

– Расчувствовался я, братцы, не стану больше говорить!

*Обниму тебя, мой друг!
Пусть завидуют вокруг.
Шкуры собственной моей
Дружба для меня ценней!*

Мы по-приятельски обнялись с Амвросием. Гости аж прослезились при виде нашей большой дружбы и давай в ладоши, то бишь в подошвы хлопать. Я тоже в долгу не остался – произнёс ответную речь. Заверил всех собравшихся в нашей любви и понимании, извинился за жестокие проделки людей с ружьями и просил, чтобы они по двум-трём охотникам не судили плохо обо всём роде человеческом. Слова мои тоже были встречены радостными возгласами.

После этого принялись мы за угощение. Детишки и медвежата так и накинулись на сладости. Но Медведица Шара вовремя сделала замечание:

*Осторожней, малыши!
Ешь медок, да не спеши!
И смотри не переборщи!*

Отведав разных вкусностей, мишки взялись играть в медвежьи игры, а мы смотрели да любовались. Уж чего они только ни делали: по деревьям лазили, брёвна наперегонки катали, кувыркались, дубинки бросали – кто дальше. Веселье продолжалось до самого вечера, пока не показалась на небе луна во всей своей красе. Мы отправились спать, но и во сне сладко вздыхали: ах, как хорошо! То ли впрямь было, то ли всё это нам только привиделось!

The background is a rich, textured painting. On the left, a large blue bird with its beak open is depicted. In the upper center, a dragonfly with dark wings and a red body is shown. On the right, a white goat with curved horns stands in a field. The overall style is expressive and colorful, with a palette dominated by blues, greens, and earthy tones. The text is overlaid on the upper portion of the image, framed by decorative dotted lines.

из цикла
“Сказки про Козочку”

Прибаутка

Хозяюшка в саду землю рыхлила. На траве подле поля кукурузного Козочка паслась. Поодаль Кошечка за жучками да мышками охотилась. Прислушается, принюхается, усами пошевелит и знай себе крадёт-ся по бархатистой травке, спрятав в мягких подушечках коготки.

Любо-дорого смотреть – каждый при своём деле.

Только вот беда: кузнечик-проказник прямиком на ус Кошечке прыгнул. Испугалась Кошечка, растерялась Кошечка и – прыг! – прямо Козочке на загривок. Коза от страха сама не своя, в сторону дёрнулась, хозяйюшку чуть с ног не повалила, та мотыгой ей пригрозила. Только Козочки уж и след простыл: бежит за Кошечкой, догнать старается, а Кошечка себе на уме, недолго думая, на сливовое дерево взбирается, да ещё и на самую высокую ветку! Вспугнула сороку, что обычно на дереве сидит да за всеми следит, а та на всю округу слух распустила, что, мол, крошечный кузнечик Кошечку напугал, Кошечка на Козочку страха нагнала, Козочка хозяйюшку с ног повалила.

Вечерняя сказка про Ласточку, Комара да Козочку

Тихо-мирно жевала Козочка травку у дома, на луну поглядывала, всё ждала, когда же хозяйюшка придет её доить.

Ласточка в гнёздышке хлопотала, иногда из гнёздышка высовывалась и Козочке что-то щебетала. А Козочка лишь бородой мотала и ничего не отвечала.

Откуда ни возмись – Комар. Ноет-зудит, на луну глядит. Вдруг как встрепенётся, вскинется – словно до луны взлететь хо-

чет, но вот досада: всякий раз падает. Разогнался Комар, только и слышно – ззу-ззу-ззу, да как бросится вниз! И прямо Козочке в глазок целится.

Только Козочка вовремя Комара заприметила и головой как следует мотнула. Пришлось Комару снова на луну зариться.

Долго ли, коротко ли продолжал Комар свои попытки, а только Козочкино терпение лопнуло: решила она всерьёз Комара проучить.

Бросила Козочка травку жевать, отступила назад, голову воинственно склонила и стала Комара ждать-поджидать. Только Комаришко подлетит, она давай бодаться.

– Что за дела! Такого сражения свет не видал! – веселилась Ласточка, выглядывая из гнезда, словно из театральной ложи. Она и детишек своих на край гнёздышка усадила – есть на что посмотреть.

– Зззу-зззу, зззу-зззу, – злился Комар, а Козочка знай себе копытцами о землю бьёт да рогами трясёт. Заслышав переполох, даже куры-гуси-утки из клеток головы повысовывали.

А ласточки так раззадорились, что чуть из гнезда не выпали. Подругу свою Козочку изо всех сил поддерживают:

– Ах ты, Комаришко-злодей! Не сдавайся, Козочка, не робей!

Что правда, то правда – не сдавалась Козочка, только язык от усталости вывалила. А Комарику хоть бы что, голосочек всё такой же звонкий, будто и сражаться не начинал. Зудит, гудит нахально – ни стыда, ни совести.

Вот-вот сдастся Козочка, перед честным человеком опозорится. Ещё немного, и выиграет Комар состязание. Заприметила это Ласточка и с щебетом бросилась из гнезда на помощь Козочке. Схватила Комаришку-пискунишку, и дело с концом.

Гомон утих. А Козочка по сию пору думает, будто бы это она забодала своего неприятеля, что пострашнее волка будет.

– Как так? И даже весточки мне не оставили? – изумилась Козочка.

– Тебе гнездо своё оставили, чтоб ты там козлят своих растила.

– И на том спасибо. Больше ничего передать не просили?

– А как же. Просили передать, что козы глупей тебя на всём свете не сыщешь.

Услышав это, чуть было не набросилась Козочка на Кошку, но тут хозяйка подросла – пора пришла Козочку доить, и Кошка вовремя на дерево вскарабкалась.

– Кое-кто и тебе весточку просил передать! – промекала Козочка.

– Кто же такой, спросить позволь?

– Мышки-норушки.

– Что же они мне передают?

– Да вот что! – и с этими словами, недолго думая, Козочка опрокинула горшок с молоком. Даже хозяйки не утрашилась, а та ей таких проделок не спускает. Но на этот раз не стала хозяйка Козочку наказывать.

– Всё равно от тебя молока, как от козла, – говорит, – а мышей-то развелось видимо-невидимо. Вот пускай Кошка и веселится – ловит себе мышей вместо молока.

Случалось потом, что изредка доила хозяйка Козочку, только та каждый раз горшок опрокидывала. А вскоре молоко у неё и вовсе пропало.

Кошка же – делать нечего – подалась бродяжничать по расцвеченным осенними красками окрестностям. Принюхивалась, за-таивалась, из засады выскакивала, – одним словом, мышей ловила. А уж ежели Козочку встречала, то издали здороваться да кланяться начинала.

– Ах ты негодница этакая! Выходит, каждый божий вечер ты здесь, на капустном поле паслась, всю нашу капусту съела! – с этими словами хозяйшка за дубинку взялась.

Козочка по глупости в сарай помчалась. Хозяйка за ней. На этот раз не уйти Козочке от расправы.

...Глаза бы мои не видели, уши бы мои не слышали. Страшно представить, как раздобревшая, обленившаяся Козочка с холёной шерстью перед хозяйкой стоит и ответ перед ней держит.

Сказка про Козочку и капусту

Уже собрали с полей урожай, сняли кочаны. Теперь капусте прямая дорога в кадку да бочку. Да и Козочка перестала поглядывать на голые стебли, где недавно красовались хрустящие кочаны. Дует ветер. Барабанит дождь. В загоне вместе с овцами жуёт Козочка жвачку, вернее, жевала бы, если б ела. Но Козочка-то не ест ничего. Не по вкусу ей ни сено, ни дубовые веники. Нет и нет, хоть плачь. Молчит Козочка, прислушивается, как нарезают и шинкуют капусту. Подглядывает через дверную щёлочку: вот-вот сложат всю капусту в бочку да в кадку.

– Не-е-е! Не-е-е! – без прорыва протестует Козочка.

Только никто даже ухом не ведёт.

– Не-е-е! Не-е-е! – возмущается Козочка пуще прежнего.

– С чего эта чертовка размекалась? – бросила свои дела хозяйка и заглянула в сарай. И что же она видит? Сено не съедено, дубовые листья не тронуты. Испугалась хозяйшка: что это на Козочку нашло? Тут соседка заявила. Хозяйшка жалуется ей, Козочка, мол, совсем есть перестала, так и с голоду недолго помереть. Что же дать Козочке, чтобы поела? А соседка и говорит: дай, мол, ей листьев капустных. Хозяйшка вняла совету и бросила Козочке капустных листьев. Только Козочка на них даже не глянула, знай себе блеет. Слушать – душа разрывается.

– А ты попробуй ей кочан целый дать, может, придёт аппетит, – советует снова соседка.

Делать нечего, пришлось бросить Козочке кочан. И вот чудо: наинулась Козочка на кочан и весь до кочерыжки схрупала. Ликует хозяйюшка и на радостях ещё один кочан Козочке подаёт. А Козочка и этот уплела, только его и видели.

И пошло-поехало: что ни день – Козочка всё мекает и, кроме капусты, ничего есть не желает. Сокрушается хозяйюшка: как же и Козочку накормить, и капусту уберечь?

Снова соседка на помощь пришла да добрым советом капусту спасла: вы, мол, капусту поскорее в кадку кладите, чтобы Козочка не видела. Набили кадку капустой, в погреб снесли. Так с тех пор в погребе и стоит. Понапрасну Козочка блеет – не видать ей больше капусты. Смекнула Козочка, что жалобами ничего не добьёшься, да и прекратила мекать.

...Заглянул я в щёлочку и что же вижу? Жуёт Козочка сено, с аппетитом похрустывает.

Зимняя сказка про снег, чёрную Козочку и про хозяйку, которая то краснеет, то бледнеет

С каждым днём холодало, погода стояла прескверная. Размокшая от дождей земля подмёрзла, водоёмы покрылись толстой коркой льда. Козочкиным копытцам самый раз цокать по обледенелым улицам. Она бы и цокала, кабы не сидела целыми днями в загоне. На рассвете слышала Козочка, как визжат свиньи, которых ведут на убой, и как потрескивает в костре солома, чтоб щетину опаливать. Это означало, что пришло время готовить колбасу, зельц, студень и голубцы.

– Бе-едные, бе-едные, бе-е – бе-е, – жалобно блеяла Козочка, услышав на рассвете крики животных. Да и мысль о капусте не давала ей покоя.

Однако сколько бы Козочка ни мекала – непреклонна была хозяйка, не смягчил её сердце Козочкин плач. Долго ли, коротко ли, но в один прекрасный день до смерти надоело хозяйке, что Козочка ни свет ни заря мекает на всю округу. Покраснела хозяйка от гнева и давай Козочку бранить.

– Ах ты такая-сякая-разэтакая бесстыдница! – негодует хозяйка, хватаясь за метлу, чтоб черенком проказницу огреть да уму разуму научить. Только пока добежала она до хлева, глядь, Козочка как ни в чём не бывало сено жуёт.

– Вот так бы раньше! Смотри у меня, а то несдобровать тебе... – грозила хозяйка черенком метлы. Щеки её разругались, но, скорее, от холода, нежели от досады.

На следующее утро Козочкино бляение снова чуть свет всех на ноги подняло.

– Ну держись, негодница! – хозяйка набросила платок, схватила метлу и бросилась во двор. Хорошо ещё, что метлу с собой прихватила, потому как за ночь столько снегу намело, что ни пройти ни проехать. Тут без метлы никак не обойдёшься.

Расчистила хозяйка тропинку к хлеву. Пока в поте лица метлой махала, гнев испарился, словно его и не было.

– Ладно, так уж и быть, – растаяла хозяйка, – выпущу тебя на снег поглядеть.

Выскочила Козочка из загона и прыг-скок – в сугроб. Давай снег лизать, будто он солью посыпан. Лакомилась Козочка снегом, покуда горло не распухло. Ей-богу, несчастье! Испугалась хозяйка, потому как Козочка уж и не мекает вовсе, а только стонет хриплым голоском. Побледнела хозяйка, лица на ней нет.

– Вот беда, Козочка заболела!

Соседка тут как тут советы давать: супчику ей из капусты, мол, свари, в дом отведи, температуру померяй, а ежели жар есть, то и в постель не грех уложить.

Сказано – сделано.

Лежит Козочка в постели, из-под одеяла выглядывает. Ни за какие кочерыжки мекать её теперь не заставишь – такая уж благодать: не жизнь, а малина.

из цикла
“Бездонный колодец
слёз королевы”

AB

Безымянная сказка

 Жил да был один бедный человек, такой бедный, что даже имени у него не было. Вернее сказать, должно бы быть, да только никто себя не утруждал по имени его звать.

- Иди-ка сюда!
- Ступай туда!
- Подай сюда!
- Отнеси туда!

Так вот и помыкали им: то туда сходи, то сюда подойди. Гоняли то за тем, то за этим. Он и шёл, что велено, безропотно исполнял. Стоило ему присесть за стол (или же ко сну приготовиться), опять под окном кличут:

- Эй, ау! Есть здесь кто? Есть ночлег и поесть чего?

Так вот и отдавал он всё, что у него было. Хибару свою и ту оставлял, коли попросят. А сам шёл на улицу под звёздный небосвод. Кроткий он был человек, терпеливый, негодовать у него и в мыслях не было. Сидит себе, бодрствует, звёздами да созвездиями любитесь: вот Малая Медведица, вон Большая, а там – Утренняя звезда и другие, каких только нет!

И как-то раз его осенило: «Так ведь даже у звёзд с высокого неба есть свои имена!»

Только он один без имени живи?

У травинки, у дерева, у цветка, у самой маленькой букашки и то есть имя!

Только он один-единственный без имени остаётся?

- Ну положу я этому конец, - вскочил с места безымянный бедняк. - Было у меня имя! Будет у меня имя! - сказал он так, словно стихотворение прочитал. И, гордо вскинув голову, отправился слово своё делом подкреплять.

И вот с тех самых пор и повелось, что даже внуков его все кличут не иначе как Богатырём, Храбрецом да Силачом.

Немой Тюльпан

Даже объяснять не надо, и так всем известно, что цветы говорят ароматами. И те, у которых нет запаха, – немые. Таков и Тюльпан. Немой. Разве что едва различимый шепчущий аромат встретится у одного-другого.

Да только не всегда так было. Когда-то, в стародавние времена, лучше лучшего был аромат у каждого цветка, чтобы пчелы издалека чувствовали, «слышали», где Резеда, Гиацинт или тот же Тюльпан.

Однако жил на свете один Садовник, очень уж суетливый, подвижный человечек. Борода его достигала колен – от большой мудрости. И был у этого странного Садовника распрекрасный сад, полным-полнѐхонький цветов всех сортов, один другого краше да ароматнее. Радовался своему саду владелец, всячески за ним ухаживал. Поливал, окапывал, подрезал, подвязывал. Только с одним примириться не мог: сколько цветов, столько и запахов. Оскорбляло его нюх множество ароматов. Один только Базилик и мог выносить Садовник. И определил он так, что превратит весь сад в пахнущий Базиликом. Каждый цветок им благоухать будет!

Растерялись цветы, как прознали о намерениях Садовника. Известно ведь: ежели тому что в голову втемяшилось, уж не отступится, хоть в огонь-воду его бросай. Да и сами цветы Базилика не обрадовались. С чего бы, например, такому невзрачному, мелкому, крадущемуся меж камней Портулаку или – даже и подумать страшно – Ясменнику душистому Базиликом пахнуть.

Испугались цветы за свои ароматы. Тоска витала в воздухе, когда вдруг появился Садовник с гигантским шприцем и ещё большим распылителем.

Первым делом высосал он аромат Тюльпана. Затем схватился было за распылитель, но Тюльпан сжал в кулаки бутоны свои, за-

трясся весь. Напрасно старался Садовник, не пристал запах Базилика к Тюльпану.

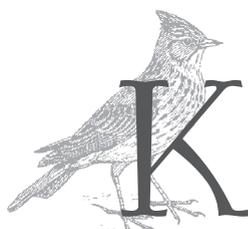
Осерчал Садовник, ногами затопал. Ножницами, ножом, серпом, косою угрожал. Всё понапрасну.

Тюльпан предпочел немым остаться. Не принял аромат Базилика, зато стал он краше и краше цветами блистать. Вместо запаха дивными расцветками указывал путь пчёлам, бабочкам и прочим порхающим хлопотуньям, чтоб не заплутали.

Озадачился Садовник. Поразился, аж рот от удивления разинул. А те цветы, что запах свой сохранили, настоящий ароматный ураган на него обрушили. Ни охнуть, ни вздохнуть не успел Садовник. Так и остался, как был, в ошеломлении. И до сих пор стоит, до садового гнома съёжившись. А тюльпаны всё более чудесными цветами красуются, над его головой безмолвно улыбаются.

Суд над Жаворонком

Как-то раз воскресным майским утром празднично разодетые воробьи расселись рядком на крыше дома. Щебетали наперебой, сплетничали да ворчали. Точь-в-точь как праздные бабульки на лавочке.

Переливали из пустого в порожнее, если же завязывался спор, как сейчас, воробьи по обыкновению дружным чириканьем зазывали рассудить их то Сороку, стрекочущую на заборе, то Дрозда, посвистывающего в ветвях грецкого ореха.

Дрозд лишь освистал их, Сорока же, большая любительница склок, взялась рассудить пернатых. Велела спорящим сторонам рассестись перед ней, перекричала самого горластого Воробья и перелетела на соседний забор. На этом спор обычно и заканчивался. Но в то воскресенье Сороке уж очень это дело понравилось. Она нет чтобы утихомирить стороны, так взялась подначивать спорщиков.

Воробьи ругали Жаворонка. Обзывали его по-всякому, все косточки ему перемыли. Уж, мол, и телом слаб, и задавака, и себе на уме. Всех, кто ниже его летает, и вовсе ни во что не ставит. Да к тому же выскочка. Вы посмотрите только, сегодня воскресенье, а он нет чтобы отдохнуть вместе со всеми, знай себе небо бороздит да трелью заливаётся.

– И шуму от него, шуму-то сколько, – добавила Сорока, щёлкнув клювом для пущей убедительности сперва вправо, а затем влево.

– Был бы хоть пёстрый, как Сорока, – всё не унимались воробьи. – Иль размером хотя бы с Воробья.

– Верно, верно говорите, да только попусту языками болтаете. Действовать надо, воробушки!

– Но как, но как?

– А вот так.

– Как это «вот так», научи нас, вразуми, – вспорхнула с черепичной крыши стайка любопытных и полных зависти пернатых и окружила Сороку.

– Слушайте внимательно: мы заменим Жаворонка и отныне петь будем сами. Но для этого придется проснуться завтра ни свет ни заря.

– Проснёмся, проснёмся! – посулила стайка.

– Но этого мало, – продолжила Сорока. – Для пения поставленный голос требуется, так что извольте упражняться. Раз, два, три!

Воробьи принялись истошно чирикать, да так громко, что даже Сыч, труженик ночной смены, проснулся от шума и высунулся из дымохода взглянуть в чём дело. Узнав от одного Воробья, что тут затевается, высказался: «Не умеешь – не берись. Чего вы слушаете эту балаболку? Сорока – она и есть воровка. Ничего путного не присоветует».

Но воробьи знай себе галдели, тогда Сыч, видя, что все его слова впустую, забрался снова в дымоход.

Воробьи не унимались, чирикали громко, во весь голос, упражнялись. Репетировали так, как Сорока поучала. Сорока меж тем застрекотала-затрещала и прочь улетела.

«Это я ловко придумала, к утру они совсем охрипнут, а я тем временем добуду-ка себе яйцо и выпью его. Есть тут где-то одно гнёздышко. А певуна этого жалкого запросто сбросим с неба. Только бы удачу свою не прозевать!.. Ага, вот Курочка встаёт с яйца, до чего же глупое создание, снесётся и сразу кудахтать. Ну не глупо ли? Даже Воробья глупее, глупее, глупее», – стрекотала самоуверенная воровка.

Но на сей раз с носом осталась, найдя пустое гнездо, вернее лишь одно давнишнее яйцо. Хозяйка положила его, чтоб приучить Курицу нестись в этом месте. Сорока, не подумавши, выпила яйцо, и от этого её трескучий голос стал ещё противнее.

В остальном всё случилось так, как она и предполагала. Поутру воробьи проснулись совсем охрипшие и не могли из себя выдать даже чик-чирик. Голоса напрочь лишились. Сорока взмыла в небо и давай заливаться: «Чир-чёр-чёроро, чё-чё-чёрр!»

Но стоило ей заголосить, как вслед ей полетели камни и комя земли.

– Кыш отсюда, невесть что стрекочешь, окаянная! – камень едва не угодил ей по башке.

Жаворонок же, ничего не ведая, вспорхнул ввысь, заливаясь дивными трелями, а люди и думать забыли о трескучей Сороке.

Сытое брюхо к ученью глухо

Однажды Курица да Гусь решили взяться за ум и записались в школу. Стыдно им стало: дело ли, каждый кому не лень в их сторону пальцем тычет! Уж сколько им приходилось краснеть, как услышат:

- Да у него ума меньше, чем у Курицы!
- У-у-у, глупый, как Гусь!

Или попросту:

- Дурак ты, Гусак!

«Хватит!» – решили они и с котомками на плечах направились к школе. Но едва они успели вперевалочку дорогу перейти, как длинношей Гусь загоготал и обернулся назад.

– Че-че-червяк, не иначе! – радостно гоготал он.

– Ух ты! Ведь и вправду! – не без зависти закудаhtала Курица, увидев, как лакомый кусочек исчезает в глотке её товарища.

– Да-да, вон ещё один! И ещё! – теперь уж Гусь решительным шагом двинулся в обратный путь.

И в самом деле: огромный розовый слизняк (или бог весть что это могло быть – Курица и тут углядела насекомое лишь с конца)! Вновь добыча исчезла в клюве Гуся, в длинной его глотке.

Тут уж и Курица не выдержала, отодвинула камушек и тоже нашла маленького червячка. День выдался дождливым, промозглым – раздолье для гусениц да червячков. Вот так и пришёл конец желанию учиться.

Гусь уж и сумку на обочину швырнул:

– Голодное брюхо к ученью глухо.

– Глухо, глухо! – радостно закудаhtала Курица, вслед за Гусем скинула котомку со спины и давай копать в земле.

И наелись оба до отвала.

Досыта наелись.

Но куда они всё животы-то набивали, уж и время к полудню подошло и занятия в школе закончились. «Ну уж завтра обязательно сперва об учёбе позаботимся, а уж потом – о животах своих», – пообещали они друг дружке. Дальше дело и не пошло: на другой день, едва успели они выйти со двора, увидел Гусь, что Курица нашла червяка, и тут же принялся за поиски лакомств. И знай своё твердит:

– Первым делом – брюхо, а голова подождёт.

– Подождёт, никуда не денется, успеем ещё знаниями-то головы напичкать!

Вот так и остались они: Гусь – глупым гусаком, а Курица – с куриными мозгами. Так и коротают они свой век, куда на сковородке или в кастрюле с супом не окажутся.

Сказка об одинокой Ели

Где-то далеко в горах жила-была одинокая Ель. Жила она одна-одинёшенька – ни леса густого, ни кустика сорного поблизости не было. Тут кричи не кричи – ни до кого не докричишься, а уж вздохи да причитания и подавно никто не услышит. Вот она и молчала – в летние бури и грозы, зимние стужи и вьюги, какие безропотно снести даже не каждому человеку под силу.

Одичала она в своём одиночестве. Только и было ей радости, что летом от солнца стадо укрывать. А иной раз сам пастух в тенёчке уляжется, из сумки припасы выложит и на дудке станет играть. Тогда и она, бывало, вздохнёт разок-другой в знак того, что песней, мол, заслушалась, а вздохами лишь освежить желает тенистое укрытие.

И вот однажды летом приключилось такое, чего отродясь не случалось: целый отряд, да что там говорить – целая школа разбила лагерь прямо под одинокой Елью. И с тех пор не стало ей покоя – всё вздыхала она да смотрела в дальнюю даль, где вскоре исчез отряд. А на брошенные у её подножья пустые консервные банки и вовсе взирала так, будто сокровища какие разглядывала.

– Всё б отдала, лишь бы только вновь с ними оказаться, – печально шептала она залетевшему ненароком Дрозду.

А Дрозд чирикнул на прощание и улетел в ту сторону, куда когда-то ушёл и отряд.

Удалось ли ему что-то сделать, нет ли – кто теперь знает?

Наступили осенние туманы, зарядили дожди и мокрые снега. Ель всё больше в тоску погружалась. Ветром сдуло консервные банки, унеся с собой последнюю память о минувшем лете. Больше не смотрела Ель на землю, знай себе только спала, да так крепко, что даже свирепым ветрам было её не разбудить. Не заметила она и того, как наступила зима, укутав всё кругом пышным снежным покрывалом. Наступила, так наступила – не всё ли равно.

Но как-то раз она встрепенулась и глазам своим не поверила: громко звучит весёлая песня, а она стоит посреди огромного двора, вся изукрашенная игрушками, и по звезде на каждой из оставшихся шишек её, какие не осыпались, словно бы звёздочки поблёскивают.

Так и стояла она на школьном дворе. И ни чуточки она не расстроилась, когда после праздника да веселья ветки ей посрезали. Но чего уж тут жалеть, коли вместо кроны у неё выросли крылья. На верхушке у неё флаг трепещет-развевается, и задорной песней каждый день начинается.

Черешневые серёжки

 Как-то раз, аккуратно в утро весеннего солнцеворота, поссорились два времени года: уходящая Весна с увлажнёнными глазами и грядущее Лето с широкой улыбкой. Поссорились, да так крепко, что, не появившись маленькие мальчик и девочка, то и подрались бы.

А ведь поначалу и впрямь сердечно, можно сказать по-родственному обращались друг с другом. Пожилая Весна держала за руку свежеиспечённое Лето, водила по горам, по долам, по лесам, по лугам, по холмам да отлогам, по бескрайним колосющимся полям. Одним словом, как и положено, всё, что предшественник последовательно предложить может, всё передавала Весна Лету. Ещё и мудрыми советами снабжала юношу: где дождя больше требуется, а где, наоборот, больше света. На что уже не хватало её всё убывающих сил.

Слушало Лето Весну с большим вниманием, иногда в знак согласия кивая, в то же время украдкой, по-хозяйски поглядывая на полусозревший ячмень и пшеницу, готовую засиять золотым колосом.

– А ещё за фруктами не забывай как следует приглядывать, – сказала Весна, последней росой окропив тропинку, ведущую к саду.

– Ясно, ясно, само собой! – рассеянно покивал головой юнец, меж тем поглаживая склоняющиеся к дороге колоски, – пусть, мол, соком наливаются.

Отвернулась Весна в сторону. Увидела, что только из вежливости её советы да наказания слушают, и замолчала обиженно.

Спутник её обиды даже не заметил и знай себе кивал да поддакивал, словно старушка ещё говорить продолжала. Кивал себе да колосья оглаживал.

Весна от того ещё пуще разобиделась. Почувствовала, как сердце её враз состарилось.

– Ох уж эта молодежь неблагоприятная! – ворчала она про себя. А Лето и на сей раз согласно кивнуло.

Тяжко вздохнула Весна.

– Фить! – присвистнул юнец вдогонку сороке, которая, громко стрекоча, взлетела над его головой.

– Ну что ж, передохнём малость, пока я не ушла, – проговорила старушка, едва они дошли до первого сада, и тотчас плюхнулась в наливающийся ячмень под грушу. Юнец ловко примостился рядом на корточках, но глаза его блуждали вверху, среди ветвей.

– Тряхни разок нижнюю ветку, – сжалилась над ним Весна, – вдруг груши уже поспели. А то, я гляжу, у тебя аж слюнки текут, так хочется их отведать.

Дважды и говорить не нужно было парнишке, мигом очутился он среди ветвей, да как потрянул дерево, груши так и посыпались.

– Хватит, хватит! Этак всё в один присест слопаешь! – одёрнула Весна расторопного мальчишку, и тот, прыгнув на землю, тотчас принялся набивать свою шляпу грушами. А потом учтиво угостил старушку.

Весна от его внимания малость поостыла. Выбрала плод поспелее и с охотой отведала. А добрый малый шляпу меж колен поставил и давай груши уписывать.

– М-м-м, до чего вкусно, прямо объедение, – ликовал он.

– Твоя правда, уже можно есть, – отвечала Весна с грустью при виде того, с какой жадностью паренёк поедает золотистые плоды. По совести говоря, её груши. А он откусит – и как не бывало. «Всё опустошит тут с таким-то ненасытным аппетитом», – в большой печали подумалось Весне. Тут глянула она на опустошённые ветви

черешни. «Ну уж вас-то не оставлю я для этого обжоры!», – решила она, приметив две последних черешенки на дереве.

– Ух ты, черешня! – отбросив груши вместе со шляпой, малый вознамерился на дерево лезть. Но старушка вовремя схватила его за штанину.

– Стоп, черешня пока что моя!

– Не-а, уже моя! – огрызнулся малец.

– Вот ужо покажу тебе, что тут твоё, наглец! Враз схлопочешь! – она обеими руками держала отбивающегося мальчишку за штаны.

– Отпусти! Отпусти! Моя черешня! – Я здесь хозяин! Моя черешня, моя, раз здесь оставлена!

– Я ещё не ушла. И черешню здесь не оставлю!

– Почему это? Вы уже вдосталь наелись. Всю черешню съели.

– Эти тоже съем, потому что ты бесстыжий!

– Вовсе я не бесстыжий!

– Без стыда, без совести, тут и толковать не о чем!

И пока они так спорили да препирались, едва не вцепившись друг другу в волосы, забрели в сад маленькие мальчик и девочка. Был первый день каникул, они вдоволь нагулялись по росе, а теперь их взгляды блуждали среди ветвей.

Девчушка углядела парочку черешен. Через минуту мальчик уже был на дереве. Сорвал и, как драгоценную серёжку, прицепил девочке на ушко. Довольные ребятишки умчались прочь.

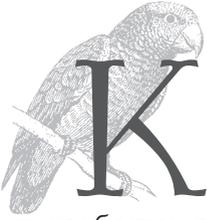
Отпустила пожилая Весна потрёпанные штанишки юного Лета. Он же, пристыженный, последовал за ней. Расхохотались оба, поняв, что остались ни с чем.

– Ну что ж, сынок, на будущий год в эту пору свидимся, – произнесла Весна и погладила Лето. Уселась на прячущийся в листве крик кукушки и только её и видели.

– До свидания, до свидания, спасибо за ваши советы! – растроганно кричал юноша ей вслед.

Окинув взором сад, он омыл лицо последней, высыхающей весенней росой, а затем, насвистывая, отправился в поля. Придётся постараться, жатва на носу.

Суровая сказка

Как-то раз в одном большом-пребольшом лесу – сейчас уж и не вспомню, в Африке ли, в Южной ли Америке, но там, где попугаи, колибри, канарейки и маленькие райские птицы живут не в клетках, а на воле и свободно вьют гнёзда, вдоволь шумят-гомонят, – чудная мысль пришла в голову одному пёстрому Попугайчику:

– Лес наш! Пускай в джунглях каждое дерево, каждый листик на попугайском языке разговаривают!

Испугались тут колибри, канарейки и райские пташки – мало их, да и куда им, слабеньким.

– Вот-вот! Именно так! На попугайском! – загалдели и остальные попугаи.

И огласили попугаи: тот, кто желает сидеть на верхних ветках, отныне пусть ходит в школу попугаев.

Перепугались колибри, канарейки и другие крохотные птички пуще прежнего. Слетели с деревьев и закручинились.

– Надо бы спросить совета у Орла, – горевали они, склонив друг к другу головы.

– Орёл тут не хозяин! – вскричал главнейший из попугаев, и ему вторили и остальные.

– Не хозяин! Не хозяин!

– Не боимся мы никакого Орла!

– Орёл тут больше не король!

– Вот именно! Вот именно! – хором пронеслось со всех деревьев.

Но вдруг в лесу потемнело. Как будто громадная туча спустилась на верхушку самого высокого дерева.

– Что за шум-гам? – прогремел голос короля птиц. Это был он, сам Орёл во всём своём величии.

– Учим орли-иный, орлиный! – хитро выкрутился главный Попугай.

– Орлиный? Что ж, это здорово. А только, сдаётся мне, совсем о другом языке шла речь.

– Орлиный, орлиный! – лихо подхватили коварные попугаи.

Встряхнулся король птиц. Расправил свои огромные крылья. Это был знак остальным орлам усесться на каждое дерево поодиночке.

– Ну что же, чтоб вам не пришлось долго с учёбой маяться, сим объявляю: урок проведу я сам! – и как хватъ за перья главного Попугая! Да и остальные орлы стащили с веток каждый по попугаю.

А после – вжих! – прочь улетели.

Глубокое безмолвие воцарилось в лесу. Постепенно остальные птицы начали возвращаться на свои ветки. Защебетали каждая на своём языке и давай обсуждать неприятные события. Но с тех пор заучили попугаи этот грустный, неласковый урок. Никому больше свой язык не навязывают, а сами учат другие птичьи языки и даже язык людей.

The background is a complex, abstract painting. It features a white cat with striking blue eyes in the upper left quadrant, looking towards the left. Below and to the right of the cat is a dark, almost black dog, also with a blue eye, looking towards the viewer. The rest of the painting is a dense, chaotic mix of colors including yellow, red, blue, and brown, with heavy, expressive brushstrokes. The overall mood is somber yet vibrant. Two decorative horizontal lines with a diamond pattern separate the text from the artwork.

из цикла
“Цветы, оплаченные
храбростью”

И вот надоело печке вечно в углу стоять, когда все домашние без конца приходят и уходят.

– Отправлюсь-ка и я счастья попытать! – сказала печь однажды утром, когда все люди разошлись: кто на работу, кто в школу.

– И я с тобой! – отозвался сверху белый кувшин. – Не бросай меня одного.

– И я, и я с вами! – всплеснулась вода в кувшине.

– Я не против, идёмте вместе, – сказала печка и попыталась стронуться с места.

– Не так резко! – испугался кувшин. – А то я свалюсь.

– Так хорошо будет? – спросила печка и осторожно сдвинулась на полмизинчика.

– Помедленней, помедленней, – шепнул кувшин.

– Еще помедленней! – прошла дрожь по воде.

Путники продвинулись на вершок, когда зазвучал полуденный колокол.

– Уже полдень, – заметила печь.

– Обеденная пора, – добавила вода.

Друзья остановились перекусить. А после обеда полагается вздремнуть. Очнулись они ото сна, когда звякнул замок и скрипнула, поворачиваясь, дверная ручка. Вернулись домой хозяева. Подхватились печка, кувшин да вода и – шасть обратно в угол.

– Вот уж, когда все спать лягут, мы и тронемся в путь, – подбадривали они друг дружку.

– Что-то холодно, – сказала хозяйка.

– Надо бы печь протопить, – отозвался хозяин.

Детишки принесли растопку.

Затопили печку. Весело потрескивал огонь.

Скоро прогрелась печка. Жарко сделалось и кувшину, а вода начала бесшумно испаряться.

– Как только огонь погаснет, – прогудела кувшину печка, – тогда и тронемся в путь.

– В путь, в путь! – подхватил кувшин, хотя и сам не верил тому, что говорит.

Вода ни словом не обмолвилась, она уже была в пути. Испарялась.

Все устали от чрезмерного усердия и провалились в сон. Уснули домашние, огонь в печи и сама печка, уснул кувшин и та вода, что в нём осталась.

Проснулись оттого, что солнце стало прогревать бока.

Домашние все давно разошлись, кто на работу, кто в школу.

Печка и её сотоварищи решили снова тронуться в путь. Двинулась с места печь, качнулся кувшин, всколыхнулась в кувшине вода.

На этот раз они ушагали дальше, чем накануне, но тут опять звякнул замок, скрипнула дверная ручка – пришлось поспешно отступить в угол.

Попытки продолжались целый месяц, пока наконец в один прекрасный день, а вернее на исходе дня, друзьям удалось добраться до двери. Даже дверь исхитрились отворить, и тут... печка встала как вкопанная, чуть не свалился сверху кувшин, едва не выплеснулись из кувшина остатки воды. Они увидели то, на что вовсе не рассчитывали. Дорогу им преградил высоченный порог.

Да-а, такой преграды не преодолеть... И они молча вернулись в угол.

С тех пор так там и стоят. Вода с горя вся испарилась, до последней капельки.

Спит себе печка и пустой кувшин наверху. Спят, как медведи зимой. Не слышат даже, как старший брат развлекает младшенького сказкой про них.

Цветы, оплаченные храбростью

Малыша расшатался зуб. Резец, как учёные дяденьки и тётеньки – зубные врачи – называют два передних зуба, которые норовят первыми вонзиться в лакомый кусочек. Зуб не только, как говорится, на ниточке висел, но даже торчал изо рта. Оно и понятно: жал, давил на него растущий под ним новый резец. Малыш без конца касался зуба

языком, трогал его, расшатывал. Понапрасну взывала к нему мать, стыдила его: как, мол, не совестно, такой большой мальчик, а палец изо рта не вынимаешь. Выдерни его либо дай мне вырвать. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я твой зуб вытащу.

Однако Малыш сносил все увещевания, краснел от стыда, но не поддавался уговорам.

– Слабо откусить большой кусок от яблока! – подначивал его старший брат в надежде, что еле держащийся зуб останется в яблоке.

Но Малыш от яблока отказался и знай себе шатал-расшатывал качающийся зуб.

Мать угостила его хрустящим солёным кренделем.

– Ну-ка, откуси побольше!

Мальчик перестал расшатывать зуб и ответил:

– Крендель кусать не положено. Вы же сами учили меня, что надо отламывать по частям, – с этими словами он отломил кусочек и сунул в рот сбоку, со здоровой стороны. Принялся с аппетитом его мусолить да обсасывать и, кусок за кусочком, умял весь крендель, после чего вежливо поблагодарил маму. Похоже, сил у мальчика прибавилось, потому как он с возросшим усердием снова стал расшатывать зуб.

– Боишься, значит! – сказал старший брат.

– Вовсе не боюсь! – возразил мальчик.

– Если бы не боялся, тогда позволил бы выдернуть. Или сам выдернул бы.

– Зачем? Мне нравится его расшатывать. А если выдернуть, тогда его не покачаешь и не постучишь им.

– Как это? – изумился старший брат.

– А вот так! – улыбнулся Малыш. – Слушай!

Действительно, стоило зуб раскачать, как слышалось какое-то лёгкое постукивание.

– Нет, что ни говори, а молочный зуб надо удалить! – воскликнула мать. – Под ним новый зуб растёт, вот они друг о дружку и стучаются. Если ему не освободить место, он будет расти вкривь и вкось.

– Вырастет бивень, как у слона, – вмешался старший брат.

Мальчик смутился. Должно быть, представил, как он будет выглядеть с торчащим сбоку бивнем.

– Слонёнок с одним бивнем! Редкая порода, – продолжал злословить старший мальчик.

– Какой из него слонёнок! – вступилась за Малыша мать. – Сейчас мы сами осторожненько вытащим зуб. А если не получится, пойдём к зубному врачу.

– Пойдём к врачу! – решился наконец мальчик. – Пока до поликлиники доберёмся, я его дорогой ещё порасшатываю.

– Фу, какой стыд! – сморщил нос старший брат, пока мать с Малышом одевались.

– Что тут стыдного?

– По пустякам беспокоить врача, когда у него столько дел. В очереди сидеть, дожидаться... И всё из трусости!

– Я не трус! – вспыхнул мальчик.

– Не трусишь, но боишься.

– А вот и нет!

– Боишься, боишься.

– Спорим?

– Давай поспорим!

Поспорили на монету.

Малыш попросил чистый носовой платок и скрылся в ванной комнате.

– Только не вздумай реветь, иначе проиграешь! – крикнул вдогонку брат.

– Не беспокойся, не заплачу.

И минуты не прошло, как на пороге ванной показался мальчик, прижимавший платок к тому месту, где был зуб. Он протянул левую ладонь – там крохотный зубик ждал своей награды.

– Получай! Ты честно заслужил, наёмник, – сказал старший брат, кладя рядом с зубом монету.

– Что значит «наёмник»?

– Солдат, который только ради денег проявляет храбрость. Герой, если ему заплачено.

– Никакой я не наёмник. И расхрабрился не из-за денег, а ради цветов. Если хочешь знать, я бился об заклад только для

того, чтобы было на что купить цветы учительнице к последнему звонку в школе. И маме тоже.

– За одну монетку цветы для двоих? – усмехнулся брат.

– А у меня другой зуб немножко шатается, на него я тоже готов поспорить! – со счастливой улыбкой заявил Малыш.

Тут уж и мать с отцом подбросили мальчику ещё по монете, лишь бы не выдирал до срока едва начавший качаться другой резец. Жаль, если такой славный мальчуган на празднике по случаю окончания учебного года будет вручать цветы учительнице, зияя дыркой во рту.

Верный страж полуразрушенного дома

С некоторых пор Малыш стал просить у матери давать ему с собой в школу побольше еды. Немыслимо представить, чтобы он в одиночку справлялся с таким количеством съестного. Ведь когда он брал на завтрак лишь половину, и то, как правило, лениво дожёвывал бутерброд по дороге домой. В результате и обед в него не затолкаешь, не говоря уж о том, как неприлично есть на ходу.

– Кому пойдет эта прорва еды, сынок?

– Мне. Кому же ещё?! – вспыхнул мальчик. Не умеет он врать, а уж матери в особенности. – Другу своему несу, – признался он потупясь.

– Кто же этот друг, который в твоей помощи нуждается?

– Да там, один...

– Он случаем не четвероногий, этот твой прожорливый дружок? – вмешался в разговор старший брат.

– Ага...

– И здороваётся обычно так: гав-гав?

– В точности так. Ты его знаешь?

– Вроде бы видел, – уклончиво ответил брат. – У стены полуразвалившегося дома. Сдаётся мне, он там живёт.

– Он, бедняга, и правда там живёт. А ты откуда знаешь?

– Видел однажды, как вы на пару «завтракали».

– Подглядывал! – возмутился мальчик.

– Случайно вышло. Я отправился за тобой, чтобы вместе домой вернуться, потому как ключи только у меня были. Мешать вам не стал, покуда вы оба пировали. Правда, на мой взгляд, бутерброды с ветчиной дороговаты для собачьего корма, да и не наестся этим собаке.

– Чем же тогда её кормить?

– Остатками еды. Косточку можно дать.

– Косточки ей соседи дают. Они собаку тоже любят.

– Если любят, отчего же не возьмут к себе?

– Она сама не хочет уходить с того места, где прежде жила. Хозяин её умер. Понаехали родственники, забрали мебель, всё, что было в доме. Собачку также взяли, но она вернулась. Может, с ней плохо обращались, но, скорей всего, она из верности домой возвратилась.

– С чего ты это взял?

– Сосед сказал. Даже к ним собака не пошла, а уж как они о ней заботятся!.. Дом ломать будут, ветхий он больно, – так, развалюха какая-то, даже домом не назовёшь. И маленький, словно собачья будка. Двери-окна родственники с собой забрали, но Тисе и так сойдёт.

– Значит, её Тисой зовут?

– Тисой. Сосед сказал... Он даже конуру ей устроил в закутке, где не так дует. Там Тиса и перезимует.

– Только бы какой беды не вышло из этой собачьей истории, – забеспокоилась мать. – Не дай Бог укусит!

– Нет, Тиса не кусается! Она меня любит... Больше всех! Другие тоже пытались с ней подружиться, так она от них даже еду не брала. А со мной прогуливается: проводит до угла и айда обратно! Дяденька – сосед который – тоже сказал, что Тисы нечего бояться. Доброго нрава псина – так он выразился.

Однако мать не успокоилась, покуда не отправила старшего сына взглянуть, как там и что, и всё разузнать. Велела спросить даже, водил ли сосед Тису на осмотр к ветеринару и на прививки.

И всё равно у матери душа была не на месте. Как-то раз после обеда отправилась она, чтобы своими глазами увидеть, ушами услышать...

Собака, словно поджидая её, сидела в дверном проёме развалюхи. Тявкнула разок-другой, будто в знак приветствия, затем поднялась и дружелюбно приблизилась к гостье. Обошла её вокруг, обнюхала и, не поскуливая, а вроде как зазывая, пригласила женщину в дом, лишённый окон и дверей.

Сама побежала вперёд, словно желая проверить, нет ли внутри беспорядка, затем бросилась обратно и позволила гостье погладить её по голове.

– Уж не мама ли мальчика вы будете? – слышалось от соседней калитки.

– Она самая.

– Я сразу так и подумал. А я сосед, значит, – представился мужчина, приподняв шляпу. – Кому же, думаю, ещё быть! Не иначе, как мать того мальчика, которого Тиса привечает. Почуяла, знать, оттого и ластится к вам.

Они вместе вошли в полуразрушенный дом. Осмотрели и собачье логово. Оно оказалось чистым, удобным и, пожалуй, достаточно тёплым. От неслыханной чести Тиса настолько расчувствовалась, что либо умильно заглядывала в глаза соседу, либо тёрлась крутым лбом о руку матери мальчика. Она бы наверняка пригласила гостей сесть, оставь родственники в доме стулья или скамью, куда гостеприимная хозяйка могла бы усадить посетителей.

Отныне Малыш каждое утро получает в отдельности собачий завтрак, который вполне мог бы сойти и за обед. А в полдень, захлёбываясь от счастья, рассказывает матери о своём верном друге, который преданно сторожит покинутый дом, оберегая память о прежней жизни.

Первые радости нового года

Не сказать, чтобы это был пир на весь мир, где пиво и мёд текли рекой. Однако торжество прошло честь по чести.

На двух блюдах, то бишь шербатых, надтреснутых тарелках, были разложены косточки с мослами в окружении вкуснейших остатков с новогоднего стола: обрезков кровяной и ливерной колбасы, кусочков кожицы, на которой стараниями мальчика сохранилось немало мяса, аппетитно пахнущих прослоек жирка из зельца и даже подрагивающих квадратиков студня. Сосед внёс свою долю в пиршественное застолье – кастрюльку голубцов. В карманах мальчика нашлось место и десерту – ломтикам рулета с орехами и маком, а старший брат позаботился о напитках: водрузил на пол развалюхи литровую бутылку молока. Младшенький, правда, забеспокоился, как бы виновники торжества не обиделись, ведь молоко – кошачья еда, но старший брат попросту отмахнулся.

Состав гостей угадать нетрудно. Трое – оба брата да соседский дядюшка – радовались отменному аппетиту «новобрачных».

Тиса – с присущими невесте серьёзностью и целомудрием – деликатно подбирала по кусочку, слизывала положенное ей на тарелку угощение. Зато жених со свойственным сильному полу завидным аппетитом уписывал лакомства за обе щеки.

Но кто же, собственно говоря, здесь жених и как дошло дело до свадебного пира?

Началось с того, что в первые дни каникул мальчик явился домой с радостным известием: у Тисы есть жених!

- Жених? – удивился старший брат.
- Ага.
- С чего ты взял?
- Сам видел. И дяденька сосед сказал. Жениха-то он раздобыл.
- Как это?

– Очень просто. Сторож его зовут. Сосед затем пса привёл, чтобы Тисе не скучно было одной дом стеречь. Опять же зиму легче перенести – тоже дяденька сосед сказал, – если двое станут своим теплом друг дружку согревать.

– Где же он этого жениха раздобыл?

– У одного знакомого взял. Тот в блочный дом переселился, а собаку в городскую квартиру брать нельзя. Если уж у неё и без того собачья жизнь, пусть хотя бы останется на воле.

– Это тебе тоже сосед сказал?

– Конечно. А ещё он сказал, что рассчитывать на собачью верность и преданность можно лишь в том случае, если сам даёшь всё, что положено. Не только еду-питье, конуру, но и волю вольную. Чтобы могла собака свободно двигаться, побегать да попрыгать, тявкнуть, когда пожелает, и лаять, если беду почует или увидит что-нибудь такое, что ей не по нутру придётся. А в блочном доме не побегаешь и не полаешь. Там надо смиренно сидеть и чистолатным быть.

– Чистолатным? – прыснул со смеху старший брат.

– Так дяденька соседский сказал. Я не понял, что это значит, а спросить постеснялся.

Тут уж и мать не выдержала, улыбнулась.

– Не чистолатной, сынок, а чистолатной должна быть собака, которая в квартире живёт.

Мальчик наморщил лоб, затем тоже рассмеялся.

– Ага, понял! Это значит, собака должна всегда справлять свои дела в одном и том же месте.

– Совершенно верно.

– С этим у них всё в порядке, ведь Тиса тоже...

– Чистолатная, – со смехом добавил брат.

– Чистюля она! – встал на защиту своего друга Малыш. – Дом уж на что запущенный, а Тиса всегда во двор выходит, если ей приспичит. В самом дальнем углу свои дела справляет. И Сторож тоже чистоту блюдёт. Вполне мог бы в городском доме прижиться, но вот беда: уж очень он лаять любит. Поэтому сосед и привёл его сюда – пусть себе лает, сколько угодно.

Вот так и дошло дело до свадебного обеда. Малыш пожелал, чтобы событие отпраздновали в первый день нового года, поскольку

ку в конце декабря обычно приходит объёмистая посылка с гостинцами от живущей в деревне родственницы. Ему хотелось, чтобы новобрачным тоже перепало деревенских вкусностей. Сосед одобрил выбор даты. К Рождеству у них резали свинью, а значит, будет что предложить к столу.

Мирно, неспешно угощались жених и невеста, даже тарелки вылизали как положено. Молодой супруг фыркнул, лишь когда старший мальчик стал разливать по мискам молоко.

– Я же говорил, это кошачья еда! – принялся оправдываться меньшей.

Однако не молоко вызвало недовольство Сторожа: он зарычал при виде бездомной кошки, которая появилась в окне полуразрушенного дома. Не иначе как соблазнительный молочный дух заставил её незваной заявиться на свадебный пир.

Сторож изготовился было броситься на неё, но Тиса укоризненно-ласковым ворчанием осадила ощетинившегося супруга. И взглядом подбодрила кошку: заходи, мол, смелее, не стесняйся. Милости просим к столу.

Кошка нерешительно потопталась в оконном проёме, но когда и гости принялись зазывать её дружным «кис-кис», она преодолела страх. Бочком подобралась к миске Тисы и в мгновение ока вылакала молоко. Тут уж и Сторож заморгал понимающе и даже отодвинулся подальше, чтобы кошка могла без опаски угоститься и из его миски.

Спокойствие, радость и благодать царили в полуразрушенном доме. Даже погода и та помягчела. Крупные снежинки, бесшумно кружась, опускались на землю.

Люди, собаки и кошка думали об одном: вот бы так, в мире и согласии, прошёл столь удачно начавшийся новый год!

– Что ты, они полюбили Беглянку! Только один раз поцапались, когда Беглянка им большущую мышь приволокла. Видно, хотела отблагодарить за гостеприимство.

– Решила поделиться с ними добычей?

– Наверняка. Но собакам мышатина пришлась не по вкусу, вот они и выставили Беглянку за порог. С тех пор они живут в ладу, как говорит соседский дяденька.

– Любопытно взглянуть, как это собаки с кошкой ладят.

– Тогда давай к ним завернём!

– Давай завернём, – согласился старший брат.

– Кис-кис! Беглянка! – позвал мальчик кошку, когда братья подошли к развалюхе.

Изнутри послышалось рычание и приветственное тьяканье. Колыхнулась завеса на двери, и бесшумной кошачьей поступью к ним скользнула кошка. При виде старшего брата она опешила было, но затем дружелюбно мяукнула.

– Она и правда похорошела до неузнаваемости! – изумился старший мальчик.

К тому времени выскочили и обе собаки, радостно прыгали, тёрлись о ноги ребят. Дружелюбно виляя хвостами, они приглашали гостей в дом.

– Откуда тут дверь взялась? – поинтересовался старший, отодвигая потёртый половик, закрывавший дверной проем.

– Сосед принёс. Он и окно завесил, чтоб потеплее было. Ведь кошки не так стойко переносят холод, как закалённые собаки.

Мальчики прислонили санки к стене дома и вошли внутрь. Младший извлёк из кармана припасенные загодя лакомства и честно разделил их на три части. Любо-дорого было смотреть, как собаки с предупредительностью позволили кошке выбрать первой.

Беглянка отодвинула свою порцию в сторону, но не притронулась к угощению, дожидаясь, пока Тиса и Сторож не управятся со своей долей. Кошка тем временем развлекала гостей: ластилась к ногам мальчиков и мурлыкала. Затем, когда собаки покончили с едой, она с явным удовольствием принялась лакомиться.

– Они действительно подружились! – согласно кивнул старший мальчик.

– Нужда да злая судьба и кошку с собакой заставят ужиться! – раздался голос у двери, и в дом вошёл сосед. – Лежите себе, ребята! – обратился он к своим четвероногим друзьям, не сводившим с него блестящих глаз. – Ты, Тиса, и ты, Сторож! И тебе, Беглянка, лучше бы за порог носа не казать! Холодина на улице.

Питомцы послушно улеглись. Но не абы как. Беглянке уступили место в серёдке, на что она ответила благодарным урчанием. Тогда сосед укрыл всю троицу видавшей виды солдатской шинелью, так что только головы торчали наружу. Животные повскакивали, лишь увидев, что мальчики собрались уходить, и проводили их до угла. А прохожие с улыбкой замедляли шаг и даже останавливались взглянуть на странную процессию: в ранних зимних сумерках две собаки и кошка с явным дружелюбием провожают двух мальчиков с санками. Наверняка кто-то из взрослых удивлённо качал головой, отказываясь верить собственным глазам.

Самый весёлый школьный урок

 Малыш, даже если бы и захотел, больше не мог держать в секрете знакомство с обитателями полуразрушенного дома. Не такой у него характер. Его хлебом не корми – только дай поделиться с окружающими своими радостями и печальями. Вот он и поведал одноклассникам про своих четвероногих друзей. Рассказ получился до того складным, что и за прочитанную сказку сошёл бы. Нашлись сомневающиеся, кто счёл историю про кошку с собаками небылицей. Ребятишки недоверчиво улыбались и время от времени вставляли замечания:

– Выдумываешь ты всё!

– Даже если и так, выдумка замечательная! – вступилась за мальчика учительница. – Заслуживает самой высокой оценки хотя бы уже за то, как прекрасно он всё рассказал.

Малыш раскраснелся от похвалы.

– Поверьте, я ничего не выдумывал! Всё правда, до последнего слова. Я и рассказал-то к тому, что жду не дождусь познакомиться с Тисой, Сторожем и Беглянкой весь класс и нашу учительницу.

Слова его вызвали взрыв смеха: дети представили себе, как они стройными рядами, во главе с учительницей входят в полуразвалившуюся халупу и, протягивая руку, по очереди знакомятся с собаками и кошкой.

Мальчик тоже смеялся вместе со всеми.

– Тогда сделаем наоборот: они представятся вам!

– Гав-гав! – залаял кто-то с задней парты.

– Мяу-мяу! – тут же подхватила одна из девочек.

– Давайте-ка собираться! – вмешалась учительница, не дожидаясь, пока расшалившиеся ученики своим мяуканьем и лаем взбаламутят всю школу.

В этот момент раздался звонок, который ускорил сборы.

Пожалуй, никогда ещё ребяташки не выстраивались парами с таким проворством. А уж когда они смиренно и дисциплинированно зашагали по коридору, то с шумом хлынувшие из других классов ученики от неожиданности замерли на миг и примолкли.

Возглавлял шествие Малыш, держась за руку учительницы.

– Сперва зайду я один! – предупредил он остальных, когда все подошли к дому.

– Конечно, конечно! – пронёсся шёпот за его спиной.

Процессия остановилась, и мальчик в два прыжка скрылся в доме, откуда донеслось радостное повизгивание. Во дворе царил такая тишина, что, казалось, даже проказливый мартовский ветерок и тот затих, перестал носиться взад-вперёд и, встав на цыпочки, выжидательно уставился на дверную завесу. И очень мудро поступил: ведь вздумай он раньше гостей впорхнуть в дом, обитатели его тотчас же учуяли бы незнакомые запахи и лишились бы сюрприза.

И тут с кошкой на руках и с собаками по бокам из дома показался мальчик.

Гости и хозяйева широко раскрытыми глазами уставились друг на друга.

Собаки, чуть отступив назад, подняли головы к мальчику, дожидаясь знака. Сторож уже готов был разразиться лаем, но мальчик успокаивающе погладил его по голове и спокойно проговорил:

– Тиса, Сторож, сидеть! Сидеть, собачки!

Собаки вмиг превратились в сидячие изваяния.

– А ты, Беглянка, садись посередине!

Кошечка, грациозно протиснувшись меж двух псов, послушно уселась.

По лицам присутствующих расплылись улыбки, но никто не пикнул.

– Это – наша любимая учительница. А это – мои одноклассники, приятели и друзья, – объяснял мальчик и, чтобы слова его были доходчивее, подошёл к учительнице и чмокнул её в щеку.

Обе собаки, чуть ли не одновременно, издали короткое тьяканье.

– Ребята, подойдите ближе! Не бойтесь, они никого не тронут! Кошечка сразу же попросилась к учительнице на руки.

Тиса и Сторож продолжали смирно сидеть, укоризненным взглядом словно осуждая подхалимские кошачьи замашки.

Затем каждый из школьников по очереди выходил вперёд, чтобы погладить по голове собак и приласкать киску.

Когда процедура знакомства была закончена, мальчик сказал:

– Теперь они запомнят ваш запах и узнают вас при встрече.

– Нет у меня никакого запаха! – капризно вздёрнула нос одна из девочек.

– Ну, не запах, так аромат! – учтиво уступил мальчик.

Остальные взорвались смехом. Собаки тоже вскочили и принялись обнюхивать гостей, ластясь к каждому.

Заслышав смех и весёлые голоса, сосед вышел за калитку и счёл необходимым подбодрить ребятишек, которые и без того смелели на глазах.

– Собачки наши смирные, доброго нрава, и кошечка тоже очень славная. Лишь бы только вы тоже были добры и приветливы с ними. Никогда не дразните, не злите их. И не обижайтесь, ежели собака вас обнюхает. Человек человеку руку жмёт, а собака запах берёт. Знакомится, значит, с вами.

Сам собой вдруг родился стишок:

*Кошке и собаке
будь другом, человек!
Простую эту истину
запомните навек:
кошке и собаке
будь другом, человек.
Мяу-мяу, гав-гав!*

Стишок сразу же разучили и даже попытались напевать хором.

Собаки и кошечка чинно уселись у двери, прислушиваясь к пению, которое становилось всё мелодичнее.

Так, ко всеобщей радости, закончился этот самый весёлый из всех уроков природоведения.

Под сенью тутового дерева

Растёт во дворе полуразрушенного дома раскидистое тутовое дерево дивной красоты. Если мы до сих пор не упоминали о нём, то лишь потому, что погода не позволяла посидеть под деревом. Но сейчас всё переменялось. Ярко светит солнышко, небо сияет голубизной, ясной и умиротворяющей, как сказка с хорошим концом. Нигде ни облачка. Лишь шелковица колышет кроной, отбрасывая прохладную тень на тех, кто нежится под нею: собачью супружескую пару. Кошка, взобравшись на дерево, заигрывает с дремлющим среди ветвей ветерком, который копит силы для своих предвечерних и предрассветных прогулок. Но киска не оставляет его в покое: трогает мягкой лапкой, расправляет, заматывает в клубок, будто и впрямь с клубком пряжи играет, – оттого и подрагивают, качаются ветви шелковицы.

Но вот Тиса внезапно вскидывает голову, и Сторож тоже спрыгивает со старого плетёного кресла, где лежал до этого. Шелковица тоже выжидательно замирает. Беглянка с любопытством выглядывает из густой листвы.

Сгорбленная старушка, вся в чёрном с головы до пят, стоит у входа в развалюху. Поскуливая, к ней с визгом бросается Тиса, крутится у ног старой женщины, обнюхивает её, радостно взлаивая, приветствует гостью.

– Не забыла свою хозяйку? Верная ты моя! – гладит женщина лаптящуюся к ней собаку.

Сторож, деликатно держась в сторонке, наблюдает за трогательной встречей и явно гадает про себя, кто эта старушка в чёрном, едва переставляющая ноги даже с палкой, и кем она доводится его супруге.

– А ты кто такой? Как тебя зовут, дружок? – адресовалась к Сторожу старая женщина, расположившись в ободранном плетённом кресле, куда её препроводила Тиса.

Расчувствовавшись от такого внимания к его персоне, Сторож позабыл вдруг свою кличку. Даже умей он говорить, и то не смог бы ответить. Знай себе стоит, не сводя со старушки своих больших, честных глаз.

– Подойди поближе, дай тебя приласкать, погладить!

Сторож послушно приблизился.

– Ты ведь наверняка ухажёр моей верной Тисы, не так ли?

Пёс, похоже, понял сказанное и в ответ уселся рядом с Тисой, подставив голову старушке: пускай, мол, гладит.

Тут уж Беглянка не выдержала. Остальных привечают, а на её долю ласки не достанется?! Капризным мяуканьем она старается привлечь к себе внимание, а затем, после серии акробатических трюков, наконец приземляется дерзким прыжком и тотчас вскакивает на колени к доброй старушке.

Кошке гостя не задаёт никаких вопросов, просто гладит, гладит, не переставая, пушистую спинку. И сквозь слёзы приговаривает:

– Давно мне никто так не радовался, давно с такой любовью не встречали... – Речь её делается всё тише, и старушка погружается в дрему. Дремлет и кошка у неё на коленях, угомонился ветерок, до этого проказничавший в кронах деревьев...

Собаки тоже укладываются у ног женщины.

Спящие встрепенулись, когда появляются мальчики с едой для своих питомцев. На шум заглядывает и сосед. Пока собаки и кошечка уписывают принесённую снедь, он рассказывает старушке всё то, что нам уже известно о жизни обитателей дома-развалюхи и их друзьях: Малыше и его старшем брате, о целом классе ребятишек и их учительнице, заходит речь даже о тётушке, которая обычно сидит на углу улицы возле жаровни со своим любимцем петушком на коленях. Клички пса и кошечки гостье тоже очень нравятся, и она хвалит мальчика за находчивость.

Похвала вгоняет Малыша в краску.

– Совсем не трудно было, – отклоняет он похвалу. – Только взглянуть на них, и всё поймешь. У обоих в глазах написано имя!

– Это ты очень мудро заметил, сынок! И впрямь у каждого по глазам его имя читается... А у меня по глазам какое бы имя ты прочёл?

– По глазам угадывать незачем, – ловко уклонился от ответа Малыш. – Ведь у вас и без того имя есть!

– Было, сынок! Было да сплыло... – расплакалась старушка. – В ту пору, когда я жила здесь, в этом доме, и супруг мой покойный жив был, тогда и меня по имени называли. А как пришлось мне отсюда перебраться... – слёзы прервали её речь. Сосед пытался было её утешить, но понапрасну.

Постепенно выяснилось, что после смерти мужа старушка покинула свой дом, обреченный на снос, и переселилась к детям. Но и у них пробыла недолго: дети отбыли за границу, к живущим там родственникам, а она уезжать отказалась – не могла бросить могилы любимого мужа и родителей. Да и с городом, где родилась и выросла, тоже не в силах была расстаться. Пришлось определиться в дом престарелых, там вроде бы у неё нужды ни в чём нет, но и ни одной близкой души тоже... Прослышала она от знакомых, будто бы Тиса на прежнем месте осталась и дом стережёт. Вот и решила проведать родной очаг. А в дом престарелых больше не вернётся, здесь останется век доживать и встретит свой конец под тутовым деревом.

При виде этакой печали мальчик все слова забыл. Даже сосед только кряхтел, покашливал да тыльной стороной ладони глаза утирал. К счастью, лучи заходящего солнца напоследок заглянули

под шелковицу, так что можно было подумать, будто бы оттого и глаза слезятся.

– Ишь ты, как в глаза бьёт!.. – стесняясь, пробормотал добрый человек.

Положение спас старший мальчик.

– Стоит ли расстраиваться? – бодрым голосом произнёс он. – И не говорите, пожалуйста, будто бы у вас нет никого из близких! А мы на что? Я, братишка мой, дяденька сосед. И собаки, и кошка тоже ведь ваши. Не горюйте, мы вас не оставим.

– Будем навещать вас каждую неделю, всем классом. И учительница наша тоже... – прорвало наконец и Малыша. – И сюда вы сможете навещаться каждый раз, как захочется. Мы будем приходить за вами и провожать обратно. Да и сейчас отведём вас, только дорогу показывайте.

Старушке помогли подняться с кресла, и компания двинулась в путь.

Собаки словно почуяли, что дела повернулись к лучшему. Игрушки загнали кошку на дерево, пусть, мол, разбудит заспавшийся ветерок: вот-вот наступит вечер, пора ему, лежебоке, за работу приниматься.

Сторож под стражей

 Мальчик, запыхавшись, примчал домой из школы. – Беда! – выдохнул он, едва переступив порог. – Беда, хуже некуда! – Из глаз его неудержимым потоком хлынули слёзы.

– Говори скорее, что за беда такая?! – перепугалась мать.

– Сторожа взяли под стражу!

– Что с ним сделали?

– Под стражу взяли.

– Если под стражу взяли, значит, его будут стеречь-беречь, – попытался обратить дело в шутку старший брат, который подоспел домой аккурат к слезам и рёву.

– Сначала я тоже так подумал, когда тётенька – та, что на углу жареными каштанами торгует, сказала, будто бы Сторожа под стражу взяли. Она своими глазами видела. А потом объяснила, что взять под стражу значит арестовать, посадить за решётку. И если это не человек, а собака, то её попросту уничтожат.

– Уничтожат?! – в один голос ужаснулись старший мальчик и мать.

А Малыш по-прежнему стоял, привалившись к дверному косяку, и рыдал, рыдал безутешно. «Не хочу, чтобы Сторожа убили!» – твердил он сквозь слёзы.

– Ничего с ним не случится! Перестань реветь, соберись с духом и обзвони всех одноклассников! Вели всем собраться у развалюхи. А мама пусть поговорит с учительницей!

Прошло времени не больше, чем понадобилось нам, чтобы пересказать читателю печальную новость. Собрались все одноклассники Малыша, до кого удалось дозвониться, прибежали даже приятели старшего брата. Сперва все обступили старушку, которая по обыкновению сидела у своей жаровни на углу. Та повторила рассказ о происшествии, на сей раз сопровождая его слезами.

– Не иначе как жалобу на него написали, – завершила она свои слова, явно давая понять, что знает, с кого станет подобное бессердечие.

– Вы нам скажите, как и когда именно это случилось, – нетерпеливо выспрашивали старшие ребята.

– Так я же и говорю вам, как оно было. Один человек – называть его не стану – донёс, что в доме, отведённом под снос, живность всякая поселилась. А собачки-то они смиренные, мухи не обидят. Даже лают и то не со зла, а вроде как с тобой здороваются.

– Неужто обоих забрали? – ахнули слушатели.

Однако доносящийся с соседского двора голос Тисы успокоил их.

А торговка каштанами продолжила своё повествование.

– Я только то знаю, что своими глазами видела, ни сочинять, ни врать не стану. Гулял красавец пёс, тот, что поболее, перед домом-развалюхой. Расхаживал взад-вперёд, не присел ни на минуточку. Я уж им всласть налюбовалась, потому как покупателей

сегодня совсем не было. В школе аккурат звонок раздался после большой перемены. Пёсик, значит, расхаживает себе возле дома, как вдруг откуда ни возьмись автомобиль подкатывает – сразу видно, служебный. И два службиста оттуда вылезают. Подходят к собаке, вроде как с добрыми намерениями. Я решила, прививки делать собираются. Собакам ведь тоже, как и людям, прививки нужны, верно я говорю?

– Сторожу все необходимые прививки сделаны.

– А мне-то почём знать, голубь ты мой? Собакам положено прививки делать, чтобы, значит, повальная болезнь не распространялась, и ежели какой пёс без прививок разгуливает, его велено отловить и под стражей держать. Так в законе сказано, родимые мои. Подбираются они к собаке всё ближе и ближе, а пёс-то даром что красавец, он и умный, видать, потому как вдруг почуял неладное. Отскочил назад и зарычал на чужаков. Только те не забоялись, а в два счёта петлю ему на шею накинули. Тут и другая собака из дома выскочила, та, что поменьше. Увидала, что над приятелем её творят, и бросилась было на лиходеев. Но те и в неё верёвку метнули, тоже заарканить хотели. Ан не тут-то было! Собачка от петли увернулась и – шась, через забор сиганула на соседний двор, к доброму человеку под защиту.

– Не случилось ли с ней какой беды от испуга да от прыжков этих? – забеспокоился мальчик. – Ведь у Тисы скоро щеночки будут.

– Не тревожьтесь, никакого вреда ей не приключилось! – успокоил ребят подошедший сосед. – А вот Сторожу и впрямь беда угрожает, так что надо бы нам поспешить на выручку. Бумаги я все собрал, тут и справки о прививках, и медицинские заключения. Идёмте на сборный пункт, куда свозят бродячих собак.

Тем временем подросла учительница, по команде которой ребята мигом выстроились парами и вслед за старшими зашагали к собачьему приёмнику выручать Сторожа.

Идти пришлось далеко, так как это диковинное учреждение находилось на окраине города. Все шли молчком, словно в рот воды набрали, всех тяготила одна и та же мысль: вдруг они опоздали и от Сторожа одна только шкура осталась.

Трудно вообразить зрелище более тоскливое, чем собачий сборный пункт, и более жалкий концерт, чем душераздирающий вой. Ребятишки помладше рады бы уши заткнуть, если бы не стеснялись друг дружки. А так они напряжённо вслушивались, не удастся ли различить в общем лае и завывании знакомый ласкающий слух голос Сторожа.

И вскоре услышали! Не зря же они занимались в музыкальной школе.

– Ура! Он жив! – хором закричали дети.

Учительница и мальчик с соседом направились напрямиком к конторе.

То время, что они провели там, остальным показалось долгими часами, хотя вся процедура заняла считанные минуты. Мальчик вывел Сторожа на импровизированном поводке – верёвке. Проверив справки, пса отпустили без всяких проволочек.

Детишки разразились громкими криками «ура!» и торжественно, с песнями отвели Сторожа домой. Пение не умолкало, пока процессия не свернула на улицу, где стоял дом-развалюха. Оживлённый шум привлёк внимание Тисы, которая выбежала навстречу своим покровителям. Старушка у жаровни на радостях прослезилась и оделила всех собачьих спасателей свежей жареной кукурузой – бесплатно. И пообещала осенью, когда созреют каштаны, созвать всех на угощение.

Девять детёнышей дому досталось

Мальш улёгся на приморском пляже и принялся вот уже в который раз перечитывать полученное из дома письмо. Морской ветерок незримой, но любопытной пташкой вился вокруг него, кончиком крыла игриво задевая уголки бумажного листа, и улыбался. А мальчик так и вовсе смеялся во весь голос.

Солнышко тоже заглядывало мальчику то через одно, то через другое плечо, заинтригованное новостями.

– Ах, какие же вы любопытные! – рассмеялся мальчик и, сощурив глаза, повернулся лицом к солнцу. – Читайте, у меня от вас секретов нету! – Он ухватил исписанный листок за уголки, чтобы и солнцу, и ветру было одинаково хорошо видно.

Уличённое в любопытстве солнце от стыда бросило в жар. Ветерок тоже засовестился, притих и улёгся на песке подле мальчика.

О домашних новостях рассказывали в письме бывшая хозяйка дома и сосед.

– Я тоже хочу узнать, что там у них творится! – наплававшись вдоволь, старший брат, с которого струйками стекала вода, плюхнулся рядом с мальцом на песок.

– Тогда слушайте! – мальчик сел, приготовившись читать.

– Кого ты собираешься оповестить о наших новостях? Всех отдыхающих на пляже?

– Нет, только тебя и солнышко с ветром. Они всё время в письмо заглядывали, очень уж им любопытно было...

– Понятно, – кивнул старший брат, привыкший к неожиданному ходу мыслей младшенького.

И мальчик принялся читать вслух:

«Во первых строках сообщаем, что все мы живы-здоровы, чего и вам желаем. Здесь у нас дожди – как зарядили, так и льют без продыху, зато по телевизору мы видели, что на побережье погода ясная. Очень за вас рады. Тиса готовится стать мамашей. Устроила себе отдельное логово в бывшей кухне старого дома. Тут уж и мы ей подсобили. Во всём доме уборку сделали, а кухню даже побелили. Сторож с Тисой очень внимательный и ласковый. Кто ни взглянет на них, диву даётся, потому как у собак не заведено семьёю жить. Пёс – зверь-одиночка, и всю свою привязанность хозяину отдаёт. Один наш знакомый предполагает, что в Стороже, должно быть, какая-то примесь волчьей крови, отсюда и это его ласковое обхождение с Тисой. Волк-самец, как правило, и пропитанием обеспечивает свою подругу и детёнышей. И защищает потомство в случае опасности. Даже с человеком готовы схватиться, что самка, что самец. Вы, небось, читали про подвиги народного героя Миклоша Толди, как довелось ему с волками сражаться,

когда он в камышах ненароком на волчат наткнулся? Очень живо это поэтом нашим великим Яношем Аранем описано. Помните?

*И наклонился Миклош, и волчат
Погладил, словно маленьких щенят.
Эх, не склоняйся, Миклош, над норую!
Камыш, треща, качнулся за спиною,
И мать-волчица, выскочив на луг,
На человека налетела вдруг...*

Не станем переписывать все стихи подряд, хотя уж очень они хороши: начнёшь читать и нету сил остановиться. Ещё только две строчки – во славу волчьей крови, которая, может, и впрямь в жилах нашего Сторожа течёт:

*Но это всё ещё б не страшно было,
Когда б самец не показался с тыла...**

Собака на такую самоотверженность не способна, говорит наш знакомец. Но ежели так рассуждать, то и в Тисе должна быть волчья кровь: вон как она на живодёров набросилась, когда Сторожа отловили! Стало быть, надо надеяться, и щенятки тоже родятся храбрыми и готовыми постоять друг за дружку. Вот ведь как удивительно всё в мире устроено: в диком звере, выходит, больше «человечности», чем в его приручённом, домашнем сородиче! Каждая собака когда-то, давным-давно, была волком – наш знакомый говорит. А ему можно верить, он даже книжку написал про волков и собак. Глядишь, к тому моменту, как письмо наше получите, Тиса и оценится. Желаем приятного времяпрепровождения, солнца поярче, чтобы грело да загаром покрывало, ветерка прохладного и тёплой морской водички!»

Солнышко до того заслушалось, что застыло в зените, позабыв о своём прямом долге – двигаться по небосводу. Пришлось приводить его в разум морскому ветерку, о котором в письме упоминалось. Отдыхающие, что расположились на пляже поблизости от

* Перевод Н. Заболоцкого.

братьев, опершись на локти, внимали чтению мальчика. Кто-то из них – ведь всегда найдутся любители испортить другим настроение – высказался вслух:

– Только бы не девятью оценилась твоя собака!

– Почему это?

– Потому что пожалеет, да поздно будет.

– О чём ей жалеть?

– Это поговорка такая.

– Какая?

– Ты разве не слыхал? Пожалеешь, говорят, как собака, что девятерых принесла.

– Не слыхал ни разу... – опечалился мальчик.

– Чего ты нос повесил? – сел на подстилке «отравитель настроения». – Уж и пошутить нельзя! Это всего лишь поговорка такая и целит не в собаку, а в человека, кто натворил дел, каких не следовало.

– Если про человека говорится, почему же тогда собаку упоминают?

Зловредный дядька растерялся от неожиданности, не зная, что ответить. Всё большее число отдыхающих проявляло интерес к разговору. Многие приподнимались на локтях, а кое-кто даже уселся, чтобы не пропустить ни слова.

– Собака сюда случайно затесалась. Ведь если щенков родится больше, чем сосцов у матери, ей будет очень трудно их выкормить. В особенности, если ей самой нечем поживиться и в животе пусто. А почему именно девять? Говорят иногда и так: пожалеешь, мол, как собака, что дюжиной оценилась. Но тот, кто такое придумал, лишнего загнул. Присловье, оно должно и правдивым быть, и складным. Вот послушай, как ладно звучит: «Девять детёнышей дому досталось» – прямо что твоя песня. И все слова на одну и ту же букву начинаются.

Такое объяснение понравилось не только мальчику, но и всем взрослым. Теперь уже никто не косился неодобрительно на мужчину, который поднялся с песка со словами:

– Ну что, дружище, пойдём искупаемся? – он посадил мальчика себе на плечи и вместе с ним вошёл в прогретую солнцем воду. За ними последовал и старший мальчик.

После купания они немного погоняли мяч – в сторонке от пляжа, чтобы не мешать загорающим.

Когда матч закончился, мальчик сказал брату:

– Хорошо бы Тиса одиннадцать щенков принесла!

– Зачем тебе столько?

– Угадай! – засмеялся Малыш. – Чтобы получилась целая футбольная команда.

Похоже, идея понравилась даже морю. Большущим игривым псом морская волна подобралась к загорелым дочерна ногам мальчика и лизнула их.

Радостное событие

Радостное известие застало мальчика не у моря, а у родственников в деревне: Тиса оценилась! Не девять щенками и не дюжиной, а для ровного счёта десятком!

– И без того целая команда получится! – на радостях бросился мальчик на шею старшему брату; точно так же ведут себя взаправдашние футболисты, когда кто-то из команды забьёт гол. – Вместе со мной нас теперь одиннадцать, и я буду вратарём.

В мгновение ока слух разнёсся по всей улице.

Гуси и утки, постоянно снующие по ручью в поисках пищи, с любопытством вытащили из-под воды свои клювы и, вытянув длинные шеи, закрикали-заверещали от восторга. Куры и цыплята удивлённо тарасили глаза. Петух с важным видом расхаживал по двору взад-вперёд, только что шпорами на ходу не позвякивал, и явно готовился прокукарекать речь по торжественному поводу. Индюки, багрово-лиловые от восторга, обступили Лохматку, верную сторожевую псину, а та, радостно виляя хвостом, принимала поздравления от имени всего собачьего сообщества. И даже цесарка, всегда державшаяся в одиночку, вдруг громко вскрикнула, потрянув своим роскошным опереньем, и – чудо из чудес! – вспорхнула напрямик в объятия мальчика.

– Батюшки светы! – всплеснула руками родственница. – Отродясь не видывала, чтобы цесарка сама в руки шла. Вздумай её поймать, так со всех ног бежит от тебя прочь.

– И норовит крыльями отбиться, – добавил мальчик, бережно поглаживая птицу. – А голову клонит понуро, обречённо – точь-точь как захваченный в плен рыцарь.

– Цесарка, она из всей домашней живности волею дорожит, как никто другой, – вмешалась в разговор соседка, облокотясь на забор. – Мы тоже как-то завели одну такую, но она всё рвалась улететь со двора. Пришлось посадить её в клетку. Она не ела, не пила и через день-другой с тоски сдохла.

Мальчик прижал к себе цесарку, погладил на прощанье, шепнул ей что-то и подбросил в воздух. Та вспорхнула и уселась на крыше сарая, откуда и протрубила всему свету, что где-то, в далёком городе собака Тиса оценилась десятью детёнышами.

Мальчик решил, что пришла пора в подробностях оповестить собравшихся – уличных ребятишек, соседей и соседок и, конечно же, всю домашнюю живность о великом событии. Рассказать в точности, как оно всё было и как описал в своём послании дядюшка из соседнего с развалюхой дома.

Событие свершилось без всяких осложнений. Когда пришла пора родить, Тиса укрылась в подвале, где заранее было приготовлено логово, а Сторож занял пост у спуска в подвал. Сидел недвижно, словно изваяние. Можно было предположить, что даже ночью он не уходил оттуда, так как поутру, когда сосед глянул через забор, пёс сидел на том же самом месте и в той же самой позе, что и накануне вечером. Лишь к полудню поднялся, обошёл двор, выглядывая, нет ли какой опасности, сделал несколько глотков из оставленной под шелковицей миски с водой. Наспех проглотил один-два куска из принесённых соседом остатков еды, запил водой и снова уселся – на этот раз по другую сторону подвального спуска, в тени, поскольку солнце припекало немилосердно. Соседу показалось, что даже к нему Сторож относился без прежнего доверия: стоило ему сделать несколько шагов к спуску в подвал, как пес предостерегающе рычал и преграждал человеку путь. Сосед улыбнулся и ласковым тоном заверил преданного стража, что никаких дурных намерений не питает, напротив, готов помочь по

мере надобности. Выставил на солнце старое плетёное кресло и застелил его отслужившим своё истёртым половиком. После обеда вылезла из подвала Тиса – измученная, усталая, с впалым брюхом и набухшими сосцами. Прошествовала напрямик к шелковице и вылакала из миски всю воду до последней капли. Есть не стала, зато тоже внимательно осмотрела двор. Одарила Сторожа благодарным взглядом и поспешила в подвал. Сторож по-прежнему нёс свою бессменную вахту. Сосед наполнил миску свежей водой и положил под дерево еду повкуснее, а сам притаился за оградой и стал ждать, что дальше будет. Вскоре вновь появилась Тиса со слепым, жалобно пищущим кутёнком в пасти. Какое-то время она разглядывала плетёное кресло и подстилку, затем опустила щенка на траву и стащила половик с кресла на землю. Тщательно расправила подстилку и перенесла туда детёныша. И правильно сделала, мысленно одобрил её действия сосед: материнским чутьём собака избрала единственно верный вариант, ведь слепому кутёнку ничего не стоит свалиться с кресла. А Тиса опять спустилась в подвал и сразу же вернулась с очередным щенком. Сторож тем временем сменил позицию – сел так, чтобы следить одновременно и за оставленным на подстилке щенком, и за лестницей в подвал. Сосед только знай успевал пересчитывать щенят. Принеся десятого, мамаша долго смотрела на своё потомство, словно прикидывая, все ли здесь, затем выбрала себе местечко на половике, рядом с оравой пищущих, неловко тычущихся друг в дружку малышей и принялась их кормить. После кормёжки вылизала детёнышей, дала им понежиться на солнышке, а затем так же поочерёдно снесла их обратно в подвал. Немного поела, попила и вернулась к малышам. А Сторож с чувством добросовестно исполненного долга подобрал остатки еды.

С тех пор сцена эта повторялась изо дня в день, с той только разницей, что теперь Сторож помогал Тисе перетаскивать щенков. Беглянка на это время переселилась в конец двора, чтобы не мешать собачьему семейству. Прошло девять дней, у кутят открылись глаза. Щенки осмелели и стали расползаться с половика. А Тиса не возражала, если любопытной кошке хотелось полюбоваться (пока что с нижней ветки шелковицы) её очаровательными, день ото дня хорошеющими и набирающимися ума отпры-

сками. Более того, теперь заботливая мать разрешала соседу и ежедневно навещающей бывшей хозяйке погладить своих красавцев.

Неудивительно, что оба мальчика едва могли дождаться возвращения домой, чтобы вместе со всеми радоваться прибавлению семейства.

Накануне отъезда младшенькому приснился дивный сон: он стоит в воротах ровного, ухоженного футбольного поля и наблюдает, как его вышколенная щенячья команда одерживает победу в мировом чемпионате со счётом двенадцать – ноль.

На выставку – через собачий лаз

Писали в газетах, объявляли по радио, возвещали расклеенные на афишных тумбах плакаты: состоится выставка собак! Да не простая, а международная. При этом известии в памяти мальчика всплыл заученный ещё в детском саду шуточный стишок:

*На Кусачей улице
под номером сто пять
новый дом построили
только для щенят.
Домом тем заведует
бравый весельчак,
резвый, непоседливый
Вислоухий Чак.*

На другой день ребята уже всем классом гоняли мяч в такт стихам. Даже девочки на каждой перемене декламировали хором:

*Новый дом построили
только для щенят!*

А после занятий, когда школьники отправились провести собачье семейство, неожиданно созрело решение – принять участие в выставке. Собачье семейство – в особенности подростки щенята, в которых уже угадывалась примесь волчьей крови, – также пришло в восторг от столь грандиозной перспективы. В честь одноклассников мальчика была устроена репетиция голосов – щенки обступили кошку и дружно облаяли её. Та притворилась рассерженной, выгнула спину, зафыркала, зашипела, после чего тигриным прыжком перемахнула через щенячий клубок и, устроившись на ветке шелковицы, лукаво мяукнула, словно говоря: попробуйте и вы так же, если уж строите из себя крутых кутят!

– Давайте и кошечку возьмём на выставку, – предложил кто-то из девочек.

– Конечно, возьмём! Она тоже член семьи, – дружно загалдели остальные.

– Я бы не советовал, – улыбнулся подошедший к забору сосед. – Собак соберётся видимо-невидимо, представляете, что с ними будет, когда вдруг кошка появится!

– Да уж, визг-лай поднимется, хоть уши затыкай! – рассмеялся старший мальчик.

На том и порешили, что в воскресенье утром отправятся на выставку, но Беглянку с собой не возьмут. Конечно, настроение у ребят упало, но не признать правоту соседа было нельзя.

– Пусть сидит дома, по крайней мере будет кому приготовить обед для победителей! – обратил разговор в шутку веснушчатый мальчуган, записной остряк класса. – А мы обязательно получим приз, вот увидите!

С тем ребята и расстались, поспешили домой, чтобы – ввиду занятого воскресенья – подготовить домашние задания на понедельник.

– Боюсь, и собак-то нам не удастся провести на выставку, – озабоченно произнёс старший мальчик, когда они с братишкой остались вдвоём.

– Почему это? – заволновался младший.

– Нас даже не пропустят.

– Как это не пропустят? Ведь выставка международная.

– В том-то и дело. У наших собак нет родословной.

– Нет и не надо. Они здоровые. Все до единой. И очень красивые.

Старший брат с улыбкой погладил меньшого по голове.

– Родословная – не болезнь. Это документ, удостоверяющий чистопородность.

– У наших тоже есть документы. Им же делали прививки!

– Этого мало. На международную выставку допускают только чистопородных собак. Нужна бумага, где записано, кто у собаки родители. Мать, отец...

– Там будут и мать, и отец щенков.

– Не о том разговор. Они у нас нечистопородные.

– По-моему, они чистенькие, но, если ты так считаешь, можно их выкупать.

– Чистопородный значит, что у собаки мать-отец, дед-бабка и даже прародители – все как есть чистых кровей. Датский дог, афганская борзая, немецкая овчарка, такса, болонка – все чистокровные.

– А наши?

– Наши – гибриды, беспородные. В них Бог знает сколько разных кровей намешано.

– И волчья кровь тоже! – горделиво вскинул голову мальчик. – В них течёт кровь вольных зверей! – упрямо повторил он, и в глазах его заблестели слёзы.

Брат обнял его за плечи, прижал к себе и утешил:

– Не горюй! Мы всё равно попадём на выставку. Положись на меня!

На выставку они действительно попали. Правда, не в дом сто пять по Кусачей улице, как говорится в стихотворении, а пришли к окружённому парком большому стадиону.

Братья вели на поводках Тису и Сторожа, а щенков, по очереди сменяя друг друга, несли одноклассники мальчика. Уверенно шествовали они по городу, вызывая восторг и удивление прохожих. Но подойдя ко входу на стадион, сникли: один за другим подкатывали роскошные автомобили, и оттуда высаживались холёные псы. Держались они с аристократическим высокомерием – ни дать ни взять дамы и господа давних времен, прибывшие на бал.

Наши герои оторопело застыли, точно бедняк на богатой ярмарке.

– Думаешь, нас пустят? – шёпотом спросил мальчик у брата.

– Успокойся! – шепнул тот в ответ.

– Не хочу, чтобы наших собак опозорили!

– Тс-с! – брат сделал Малышу предостерегающий знак и передал ему поводок Сторожа. – Сворачивайте к берегу реки и следуйте за мной. Только тихо, чтобы нас не заметили! – негромко командовал он остальным. Колонна развернулась, и на приличном расстоянии от входа ребятишки, прячась за припаркованными машинами, прокрались к берегу реки. Затем гуськом зашагали по узкой тропке между рекой и проволочной оградой парка. Прошли с добрых полкилометра, когда старший мальчик достал из кармана одолженные у соседа кусачки. И – вжик, вжик! В изгороди образовалась дыра, достаточно широкая, чтобы можно было пролезть, не поранясь. Когда все дети пробрались в парк, старший мальчик попытался стянуть дыру проволокой.

– Оставь, я сам сделаю! – вышел из-за куста сосед.

– А если нам придется удирать?! – всполошился малец.

– Не бойтесь! Обратно выйдем через главные ворота. – Старший из братьев возглавил процессию, которая направилась в ту сторону, откуда доносился многоголосый собачий лай. У поворота главной аллеи ребятишек поджидала старушка, бывшая хозяйка дома-развалюхи, – она явилась с утра пораньше, чтобы занять места. Здесь же к ним присоединилась и учительница, которая честь по чести провела своих учеников по всей выставке. Этот необычный урок «собаководения» запомнился всем надолго.

Вскоре появились и члены жюри. Строго и со знанием дела осмотрели они выставленных собак, проверили их родословные. Когда очередь дошла до собачьего семейства, заулыбались все, даже самые строгие члены жюри. Никаких бумаг не спросили, а сразу же проголосовали за присуждение особой награды самой дружной собачьей семье и вручили мальчику затейливо разукрашенный диплом. Всем десяти щенкам повязали на шею красные бантики, а Тиса и Сторож удостоились красивых позолоченных медалей. От имени Общества собаководов всем

детям подарили по плитке шоколада, а старушка, сосед и учительница получили букеты цветов.

И что бы вы думали? В этот момент с ближнего дерева прямо на руки старшему мальчику сиганула Беглянка. Ей тоже вручили ленточку, но бантик завязать не успели, поскольку все собравшиеся собаки разразились столь сердитым и залившимся лаем, что пришлось принимать срочные меры. Класс быстро и дисциплинированно построился и с громкой песней зашагал к главным воротам.

Ребят проводили дружными аплодисментами, перекрывшими собачий лай. Впрочем, от оглушительных хлопков собаки, забыв про уязвлённое самолюбие, сами закрыли пасти.

Хрупкий цветок подснежника

 ос и ширился круг друзей собачьего семейства. Во дворе старого дома не хватало места для множества посетителей. В особенности с тех пор, как здесь появились и строители. Сначала они только осмотрели участок и прикинули объём предстоящих работ, но ясно было, что не нынче-завтра явятся бульдозеры, экскаваторы и землечерпалки.

– Похоже, дни развалюхи сочтены, – с грустью вздохнул мальчик.

– К сожалению, да, – подтвердил старший брат. – Но ты нос не вешай. Как-нибудь да уладится.

– Как-нибудь... А что будет с собаками?

– Для каждой сыщется хозяин. Может, и не один.

– Если даже для каждой сыщется, всё равно это уже не семья. И команда распадётся. А ведь они только втянулись в игру, – Малыш с грустной улыбкой вскинул глаза на брата.

– Настоящие футболисты тоже не вместе живут. Только когда съезжаются на сборы в спортивный лагерь. Вот и мы станем сборы устраивать.

– Где?!

– В Снежной долине. Команда, семья – все мы там вместе будем.

При этих словах даже солнышко выглянуло из-за туч и засияло улыбкой, словно давая понять:

– Тогда и я буду навещать вас там каждое воскресенье!

Сказано – сделано. Солнце сияло каждое воскресенье – конечно, насколько хватало силы его ослабевшим к зиме лучам. И на лужайке собирался весь класс, в полном составе. Даже болеющие к воскресенью, как правило, выздоравливали. Родители тоже по мере возможности присоединялись к весёлой компании. А сердобольный сосед старался раздобыть машину, чтобы старая хозяйка развалюхи могла принять участие в общем веселье. Футбольная команда явно набирала силу, радуя друзей своими успехами. Подросшие щенки лихо гоняли мяч, с такой ловкостью передавая его друг другу, что зрители смеялись до слёз.

Запаса радости каждому хватало на неделю.

Кто бы мог подумать, что тёплые слёзы веселья обернутся ледящим сердцем горем?

А в жизни наших героев действительно случилась трагедия.

Тиса и Сторож принимали участие в игре лишь поочерёдно. Один из них всё время был на страже: обегал площадку вокруг, осматривал, обнюхивал каждый уголок, после чего усаживался на холме и приглядывался-прислушивался к происходящему. И не напрасно: не перехваченный вовремя мяч закатился в кусты. Самый маленький щенок, прозванный Бочонком, припустился за мячом. Туда же бросился и Сторож, который как раз был дозорным.

Бочонок пискнул от боли и кубарем выкатился из зарослей кустарника. Его вытолкнул Сторож.

Игра застопорилась.

– Лиса! Лисица! – раздались взволнованные возгласы.

В самом деле, по лугу мчала лисица, а за ней широкими скачками с громким лаем гнался Сторож.

– Лови её! Держи! – кричали присутствующие, от волнения позабыв даже про Бочонка. Лишь мать позаботилась о нём: ухватив за загривок, отнесла к сбившимся в кучу перепуганным щенкам.

Бочонок отделался испугом; правда, из уха его сочилась кровь, но не от зубов лисицы, а от колючек кустарника.

– До свадьбы заживёт! – махнул рукой старший мальчик.

Лай Сторожа всё удалялся.

– Только бы не убежал слишком далеко! – пробормотал сосед, словно предчувствуя беду. – Лиса, видать, оголодала. Ежели цыпленок не подвернётся, тогда и щенок сгодится. Вот она и подкарауливала добычу, негодница! Но теперь Сторож задаст ей жару, до самой весны поджилки у рыжей трястись будут.

Собравшиеся разразились дружным смехом. И тут вдруг раздался звук выстрела, да такой громкий, что оголённые ветки деревьев дрогнули. И следом ещё один...

– Ах ты, будь оно неладно! – обернулся в сторону выстрелов сосед. Лай Сторожа внезапно смолк.

Старший мальчик, сосед и кое-кто из родителей бросились к лесу. Бежать им пришлось недолго. На опушку вышли двое охотников: один волочил за собой убитую лисицу, другой – Сторожа.

– Чья это собака?

– Наша, – горестно прозвучал ответ.

– Кто из вас хозяин?

– Все мы.

– Одна псина на такую уйму владельцев?

– Ага.

– В таком случае вам придётся платить штраф.

– Мы готовы держать ответ.

– Какое вы имели право отпускать пса на свободу? Законом запрещается...

– Брось ты эти законы да параграфы! – одёрнул его спутник, который волок мёртвую лисицу.

– Сторож погнался за лисой, спасая своего детёныша! – сказал старший мальчик, едва сдерживая слёзы. И взял из рук строгого охотника бездыханного Сторожа.

К тому времени их обступили и взрослые, и дети.

Слёзы лились ливмья, что потоки грозового дождя.

Охотники устыдились, поняв, что натворили. Стали оправдываться, извиняться: они, мол, действовали по закону, откуда им было знать, что к чему. Но их никто не слушал, все оплакивали

Сторожа. Наконец охотники с понурым видом побрели прочь, унося свою добычу.

А сосед одолжил у хозяев ближнего дома лопату и заступ.

На холме, где Сторож нёс свою последнюю вахту, ему вырыли глубокую могилу. Выложили изнутри мхом и палой листвой и опустили туда верного стража. Покрыли тело сиренево-розоватыми цветками осеннего безвременника, засыпали сверху землёю. Соорудили и могильный холмик.

Там же, у могилы, состоялось и торжественное распределение собак. Тиса, естественно, досталась соседу, чему радовались все обитатели улицы: без её задорного, беззлобного лая было не обойтись.

А солнышко с тех пор перестало показываться по воскресеньям, словно тоже оплакивало утрату. Выглянуло лишь в первые дни нового года. И – о чудо! – когда весь класс и нашедшие хозяев члены собачьей семьи наведались к могиле, они увидели распустившийся на ней цветок подснежника. Один-единственный хрупкий стебелёк с нежным белым цветком.

– Не иначе как солнышко по доброте своей взрастило его здесь, – заметил мальчик.

И благодарные взгляды присутствующих обратились к зимнему солнцу, готовому скрыться за горизонтом.

станет царем в этом новом союзе, а внучка Ларисы – царицей... Всё это я высказал тогда с серьёзным выражением лица на презентации моей книги в России. В зале возникла мёртвая тишина. Молчал и я. А потом, после долгой паузы проговорил: одного я только пока не решил – где будет столица нового союза. В Москве или в моей родной трансильванской деревне. После этого все поняли, что я шучу, и рассмеялись.

– ***У вас много друзей среди российских писателей?***

– Нет, друзей нет. Есть люди, с которыми мы время от времени встречаемся. Вот недавно в Бельгии я общался с одной русской писательницей. Я не запомнил её имени, знаю только, что она из поколения Евтушенко.

– ***Кстати, у Евтушенко есть формула: «поэт в России – больше, чем поэт». Подходит ли она для Венгрии?***

– Дюла Ййеш, который писал и прозу, и пьесы, но, на мой взгляд, прежде всего был поэтом, однажды сказал по этому поводу так: «Когда в Венгрии случается наводнение или пожар, все начинают спрашивать: а где поэт?». То есть когда в нашей стране людям тяжело, они начинают призывать поэта. Однажды, это было очень давно, когда я ещё делал первые шаги в литературе, одного поэта из нашего круга обвинили в «страшном» государственном преступлении – он хотел организовать литературную группу. Его фамилия была Поконски, он был одним из самых талантливых молодых поэтов моего поколения, говорил на многих языках – русском, французском, румынском, немецком. Когда его лишили возможности печатать свои стихи, он начал переводить и очень преуспел в этом деле. Через несколько лет я встретил его – он процветал. А у меня в тот момент как раз были очередные проблемы с властями. Вот он мне и начал советовать: бросай всё и становись переводчиком – «и жить будешь спокойно, и на хлеб всегда заработаешь». «Не могу», – ответил я. Он удивился: «Почему?» И я сказал: «А вдруг начнется пожар или наводнение, люди станут звать поэта, а прийти будет некому».

– ***Венгерское восстание 1956 года, помнится, началось именно с поэтического клуба «Кружок Петёфи»...***

– Восстание началось 23 октября, а 26 октября я прилетел в Москву в составе делегации румынских писателей.

– ***?!***

– Я тогда жил в Клуже, в Румынии. Летом 1956-го года я отказался выполнить заказ горкома партии и писать стихи о колхозе. Так

и сказал: не могу, мол, воспевать местный колхоз пока, не побываю в Париже и Москве. Ну, в Париж меня тогда не пустили, а в Москву отправили. И вот пока я туда добирался, в Венгрии начались все эти события. Отчасти это меня спасло. Потому что все мои друзья-поэты активно участвовали в восстании, и их потом посадили. А я оказался в эти дни в Советском Союзе на какой-то международной писательской конференции. Там были делегации из всех соцстран, за исключением, естественно, Венгрии. Но один венгр там всё-таки оказался. Это я, который был в румынской делегации. Об этом, конечно же, сразу стало известно. Помню, за мной всё время ходили корреспонденты советских газет, все хотели, чтобы я дал интервью, осуждающее происходящее в Венгрии. Но я им сказал: никаких интервью, потому что я приехал в Москву как член румынской делегации, а не венгерской.

– *Это имело для вас какие-то последствия?*

– Нас всех тут же отправили из Москвы в Армению. Поначалу хотели в Грузию, но там было неспокойно, там только что прошла какая-то антиправительственная массовая демонстрация. И нас отвезли в Ереван. Там оказался один грузинский поэт, который в то время переводил на свой язык стихи Петёфи. И при этом он никогда в жизни не слышал стихов в исполнении венгра. И вот мы сидели в Союзе писателей – выпивали. И этот грузин начинает меня просить: прочти. Но чтобы из-за событий в Будапеште это не было воспринято как вызов руководству СССР, решили, что каждая делегация будет читать стихи на своём языке. И вот тут выясняется, что только у болгар в делегации был поэт, а во всех остальных – одни прозаики и драматурги, которые ни одного стихотворения до конца не помнят (выпили-то уже достаточно). Что делать? Открыли библиотеку, набрали книг (там были книги из всех соцстран) и начали читать. Дошла очередь до меня. Говорю: я вам прочту стихи – но не свои и не Петёфи (это имя в те дни воспринималось как призыв к революции), а ещё одного венгерского поэта. И начинаю читать «Старого цыгана» Вёрёшмарти:

*Играй, цыган! Вина мы поднесли,
Чего ж дремать? Утешь! Развесели!
Что стоит скорбь, водой разведена?
В холодный кубок подливай вина.
Такой закон установила жизнь,*

*Чтоб мёрзли мы, а после обожглись.
Играй! Всему приходит скорбный срок,
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чём ином!..*

Все были в восторге, схватили меня и прямо там, в зале, начали подкидывать в воздух. Помню, я взлетал довольно высоко и всё время крепко держался за карман, боялся, что выпадут часы, которые мне подарила тётя... Словом, такого успеха у меня в жизни больше не было!

Потом нас начали водить по армянским школам, и везде, когда называли наши имена, все – и дети, и учителя – начинали за моей спиной шептаться: «Петёфи! Петёфи!...» Ведь я тоже Шандор, как и он. Вот они и смотрели на меня как на человека, который чуть ли не восстание в Венгрии устроил. Во всяком случае, во всём мире знали, что в те дни над Венгрией звучали именно его знаменитые строки: «Любовь и свобода – вот что мне нужно».

Но ведь я-то был в румынской делегации. И вот один румын-коммунист после очередного застолья стал на меня нападать: мол, если ты такой венгр – то катись из моей Румынии к своему Петёфи. В общем, стал ругать венгров, и от него тут же все отвернулись. В прямом смысле: ни один официант в том армянском ресторане не хотел его обслуживать, когда узнал, по какому поводу он устроил скандал. Пришлось выйти в зал директору заведения, чтобы принести ему заказ. А во время этого скандала ко мне подошёл русский переводчик и тихо сказал, что он на самом деле никакой не русский, а эрзя, но всё равно просит у меня прощение за танки в Будапеште... Вот такие события связаны у меня лично с 1956 годом.

– Шандор, когда в годы Второй мировой войны венгерская армия оккупировала часть Воронежской области, вам было тринадцать лет. Что сохранила о том времени память детства?

– Я помню, как в моей деревне читали газету с сообщением о нападении Гитлера на Советский Союз. Помню, что старики сразу сказали: ну, теперь будет конец Германии, она в этой войне пропадёт. Потом в деревню пришла газета, в которой было написано, что и Венгрия объявила войну русским. Эта новость вызвала полное недоумение: зачем это сделали? Ведь русские только что вернули вен-

грам революционные знамена 1848 года, захваченные тогда царскими властями в качестве трофеев. Начали выстраиваться отношения и вдруг... К тому же все прекрасно понимали, что у Гитлера не было никакой нужды в венгерских солдатах. Венгерская армия в те годы была недееспособной, она была плохо экипирована, слабо вооружена. Да и большинство её солдат были обычными венгерскими крестьянами. С точки зрения здравой логики, Гитлеру выгоднее было иметь Венгрию в тылу, как союзника, обеспечивающего его армию продовольствием. Здесь пользы было бы гораздо больше, чем от действий этих крестьян на полях сражений... Вот так в нашей деревне смотрели на те события.

– Но всё случилось по-другому. Венгры пришли на воронежскую землю, где потерпели едва ли не самое крупное в истории страны поражение. После чего, насколько я знаю, имя этого русского города стало в Венгрии символом гиблого места. В вашем сознании этот образ тоже присутствует?

– У меня другой взгляд. Вот сейчас у нас, в Венгрии, принято считать, что в конце войны пришли русские, заняли нашу страну, забрали всё, что можно, и продолжали обирать венгров ещё сорок лет... Но я помню, что говорили те же старики из моей деревни: если нападают – надо защищаться. А если повернётся военная удача – а под Воронежем она повернулась к русским, – тогда нападающего можно не только прогнать, но и занять его страну. Так всегда было и так всегда будет. Поэтому я не считаю, что русские опустошили Венгрию. Просто мы заплатили за тот роковой поступок свою цену. И страна в целом, и каждая отдельная семья. Мой отец, к примеру, был пограничником. Он потерял на войне стопу левой ноги и венгерское гражданство, поскольку мы жили в Трансильвании, которую после войны изъяли из состава Венгрии и присоединили к Румынии... За всё в этой жизни надо платить.

– В России многие считают вас «поэтом № 1» сегодняшней Венгрии. Причём поэтом серьёзного философского направления, сродни нашему Бродскому, шведу Транстрёмеру или ирландцу Хини...

– С Транстрёмером мы знакомы. Вы знаете, что он уже больше двадцати лет не может говорить?.. После инсульта у него парализована правая часть тела и полностью утрачена речь. Свои стихи он пишет левой рукой... А познакомились мы с ним незадолго до его болезни. Я его тогда спросил – что он пишет в данный момент? И он

сказал, что переводит на шведский «Песню песен». «Неужели она до сих пор не переведена на шведский!» – воскликнул я. «Конечно, переведена, – ответил он. – Но все прежние переводы устарели, и для того чтобы спасти наш язык от умирания, нужно перевести заново, с учётом языка новых поколений». Я спросил: «Шведский язык умирает под нашествием английского языка?» Транстрёмер ответил, что нет. «Языки убивают сокращения слов и жесты», – сказал он тогда. В наши дни то, о чём он говорил как об убийце языка, получило короткое и точное определение – «эсэмэски»...

Теперь о титуле «поэт № 1»... Знаете, я очень много встречаюсь с детьми – за мою долгую жизнь таких встреч уже было больше тысячи... И на этих встречах я никогда не называю себя поэтом. Потому что это только после смерти автора выясняется – был ли он вообще поэтом или не был. И если внуки или правнуки сочтут нужным читать и слушать мои стихи, то они и скажут – кем я был. Поэтому, если говорить о настоящем поэте, то давайте я прочту одно стихотворение, которое я читаю во всех странах мира, где бываю, и все его узнают, как узнают вашего Пушкина.

*Осень вновь, опять, чаруя,
Красит мне моё житьё.
Не пойму, за что люблю я,
Но люблю, люблю её...*

Это – Петёфи.

– Помимо серьёзного поэта Шандора Каняди, русский читатель знает и Шандора Каняди-сказочника. Только что на Московской книжной ярмарке с успехом прошла презентация вашей сказки «Мышонок, повидавший свет»...

– Напомните мне, как назывались ваши популярные детские журналы?

– **«Мурзилка» и «Весёлые картинки».**

– Да! Вот такой же был журнал и у нас. Назывался он «Напшугар» («Солнечный луч»). В этом журнале я тридцать лет зарабатывал себе на хлеб, из него и ушёл на пенсию. В этом журнале работали очень хорошие писатели и поэты. Он выходил в Румынии (вы уже знаете, что я там жил) на венгерском языке. В те годы в этой стране был Союз писателей, десять процентов в котором составляли венгры. И все десять процентов сотрудничали с нашим детским журна-

лом. Это была такая позитивная дискриминация с нашей стороны. Сотрудников в наш журнал набирали только тайным голосованием, власти почему-то разрешали это. Причём никто из нас даже в партии не состоял...

Сказки я начал писать, потому что это было одним из требований руководства издания. Для всех сотрудников журнала установили «норму по сказкам» – и мы обязаны были её выполнять. Вот за счет этих сказок я и живу до сих пор. Их переводят в разных странах мира, и я получаю гонорары. Так что мои сказки меня по-прежнему кормят.

– Шандор, вы – мудрый человек. За вашими плечами – огромный творческий путь и долгая жизнь со многими испытаниями. Поделитесь опытом: что самое тяжёлое для человека в этом мире?

– Самое трудное – оставаться порядочным. В своей жизни я немало поколесил по свету. Мне почти никогда не отказывали в выезде за границу. Многим это казалось странным, но секрет прост: за границей я никогда не говорил ничего плохого о своей родине. Дома – другое дело. Как меня только не называли! И венгерский шовинист, и предатель, говорили, что меня обязательно надо посадить. Это потому, что я говорил всё, что думал. Однажды высокий чин из тайной полиции даже спросил меня: как же так, здесь, дома ты всё время кричишь и требуешь соблюдения прав, а за границей – молчишь? На это я ответил ему: плохая собака та, которая лает не на своём дворе... А чего бы я добился, если бы начал рассказывать о том, что происходит в Трансильвании за границей? Я был бы известен только один день, а потом – всеми забыт.

Однажды, это было в Румынии в конце 1950-х, мою жену арестовали и посадили в тюрьму. Я пришёл в полицию, чтобы узнать – за что? Префект, который меня принял, сказал, что ему об этом ничего не известно. Тогда я пошёл к начальнику Securitate (это что-то вроде вашего КГБ). Он меня выслушал и говорит: «Товарищ Каняди, вы не знаете своей жены. Она – враг социализма». Я ему в ответ: «Может быть, и не знаю. Мы всего год, как расписались». «Вот видите! – говорит он. – Год – это мало. Бывает, люди десять лет проживут вместе и так и не узнают правду друг о друге». «Может быть, вы и правы, – отвечаю. – Но поскольку, как я понимаю, строительство социализма – дело долгое, вы мне, пожалуйста, сейчас выпустите мою

жену. Я с ней ещё десять лет проживу, и если за это время вдруг не узнаю её, то верну её вам»...

Всё это было переведено на румынский язык, оформлено как протокол допроса и помещено в моё досье. Позже, уже в наши дни, это досье дали прочесть мне и моим родным. Оно оказалось огромным – шестнадцать с половиной килограммов! Жена, кстати, очень обиделась, когда узнала, что я собирался возвращать её государству...

И вот года три назад я выступал на очередном поэтическом празднике в честь Петёфи и рассказал всю эту историю с арестом моей жены. Упомянул я и префекта полиции, который тогда отказался мне говорить, по какой причине случился тот арест. Упомянул и о том, что через годы этот префект встретил меня и попросил прощения. Конечно, он тогда всё знал: жену арестовали, чтобы припугнуть меня, за мной следили и постоянно прослушивали... Но мне не сказал, за что и извинился спустя годы... После моего выступления ко мне подошёл молодой человек. Это был сын того префекта. Он был благодарен, что я сказал тёплые слова о его отце...

Когда-то мой школьный учитель говорил нам, детям: «Все мы вместе живем на этой земле, поэтому мы должны знать и понимать друг друга». Эти слова я помнил всю жизнь. Я не могу сказать, что в моей жизни всё было легко, но я не ропщу на свою судьбу. Любые трудности можно пережить, если оставаться порядочным человеком. Главное – помнить: все мы вместе живем на этой земле...

*Беседовал Дмитрий Дьяков
Переводила Ольга Рокас*

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Воронкина. Великий сказочник и сказитель..... 3

Шандор Каняди. «Стихи – это то, что нужно говорить вслух»..... 6

Из цикла “Приключения Мишки Косолапого” 7

(Перевод Елены Рожковой)

Встреча с Мишкой Косолапым..... 9

Мишка спасает Зайчишку..... 11

Под напевы Дрозда 13

О том, как Заяц в лесу потерялся 16

Вслед за ненастьем тучи рассеиваются..... 18

Волшебное зеркальце 21

Мне в окошко Дрозд стучится 23

Письмецо от Мишки Косолапого..... 25

Подготовка к Празднику Мёда..... 26

Праздник Мёда..... 28

Из цикла “Сказки про Козочку” 31

(Перевод Елены Рожковой)

Майская сказка про Ласточку и Козочку,
про рассвет и закат 33

Прибаутка..... 34

Вечерняя сказка про Ласточку, Комара да Козочку 34

Осенняя сказка про ласточек, Козочку
и Кошечку-мышеловку 36

Сказка про непослушную Козочку-бегляночку 38

Сказка про Козочку и капусту 39

Зимняя сказка про снег, чёрную Козочку
и про хозяйку, которая то краснеет, то бледнеет..... 40

Сказка про счастливую Козочку и счастливую хозяйку 42

Из цикла “Бездонный колодец слёз королевы”	43
Безымянная сказка. <i>Перевод Елены Петровой</i>	45
Немой Тюльпан. <i>Перевод Дарьи Никитиной</i>	46
Суд над Жаворонком. <i>Перевод Ольги Урасиновой</i>	47
Сытое брюхо к ученью глухо. <i>Перевод Елены Петровой</i>	49
Сказка об одинокой Ели. <i>Перевод Александра Шамши</i>	51
Черешневые серёжки. <i>Перевод Дарьи Никитиной</i>	52
Суровая сказка. <i>Перевод Елены Петровой</i>	55

Из цикла “Цветы, оплаченные храбростью”.....57

(Перевод Татьяны Воронкиной)

Пошёл впрок зимний должок	59
Цветы, оплаченные храбростью.....	61
Верный страж полуразрушенного дома	64
Первые радости Нового года	67
Новый жилец развалюхи.....	70
Самый весёлый школьный урок	72
Под сенью тутового дерева	75
Сторож под стражей	78
Девять детёнышей дому досталось.....	81
Радостное событие.....	85
На выставку – через собачий лаз	88
Хрупкий цветок подснежника	92

Вместо послесловия.....96

Дмитрий Дьяков. «Все мы вместе живём на этой земле...».	
Интервью с Шандором Каняди на Московской	
международной книжной ярмарке в 2013 году	96

Литературно-художественное издание

Шандор Каняди

**ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ
и другие истории**

Перевод с венгерского

*Редактор-составитель
Татьяна Воронкина*

Редакторы: *Д. С. Дьяков, Е. С. Котлярова*
Компьютерная верстка и дизайн *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать 14.05.2019. Формат 70×100/16
Усл. п. л. 8,6. Тираж 150 экз. Заказ 322

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3